

А84(2=665.)

Т-22

Андрей
Тарханов

Буранная Россия

Андрей Семенович
ТАРХАНОВ

© Alejandro

Поэт верой своей традициям
1974 г. ЯНВ
837

Андрей Тарханов

Буранная Россия

Государственная библиотека Югры	03
---------------------------------------	----

Тюмень

2015

- 0192903 -

Государственная библиотека Югры	КО
---------------------------------------	----

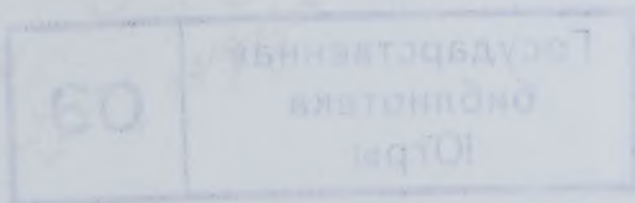
ББК 8Р7Ма

Т22

Тарханов А. С.

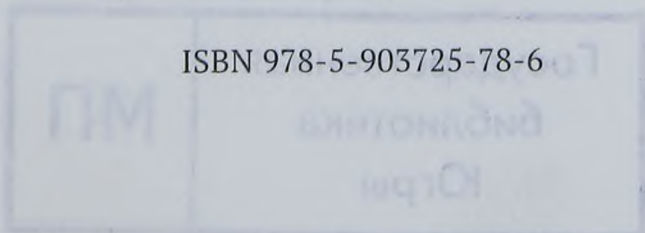
Т22 Буранная Россия: Стихотворения. — Тюмень:
ООО «ИПЦ «Экспресс» , 2015. — 240 с.: ил.

*Книга издана
при поддержке Департамента
общественных и внешних
связей Ханты-Мансийского
автономного округа – Югры.*

© Тарханов А. С., 2015
© Департамент общественных
и внешних связей Ханты-
Мансийского автономного
округа – Югры, 2015
© Морозов А. А., иллюстрации,
дизайн, 2015

ISBN 978-5-903725-78-6

Поэт верен своей традиции

Тарханов Андрей Семенович поэт, манси. Пишет на русском языке.

Еще обучаясь в Ленинградском пединституте имени Герцена на филологическом отделении, А. Тарханов самостоятельно изучил критические труды по литературе Белинского, Чернышевского, Добролюбова, поэзию великих русских поэтов. Отталкиваясь от этого своеобразного обстоятельства, известный критик советской поры Константин Яковлев в статье «Праздник лирики» писал: «Андрей Тарханов овладел не просто русским языком, он овладел всеми достижениями русской классики. Именно она, русская классика, помогла родиться музыке его художественного слова – неповторимой по своему национальному содержанию, по своеобразной поэтической интонации».

После Ленинграда А. Тарханов возвращается в родной Ханты-Мансийск, работает в окружной газете, на местном телевидении, в окружном Доме народного творчества.

В 60-е и 80-е годы закончил в Москве Высшие литературные курсы при Союзе писателей СССР, Высшие курсы сценаристов и режиссеров при Союзе кинематографистов СССР.

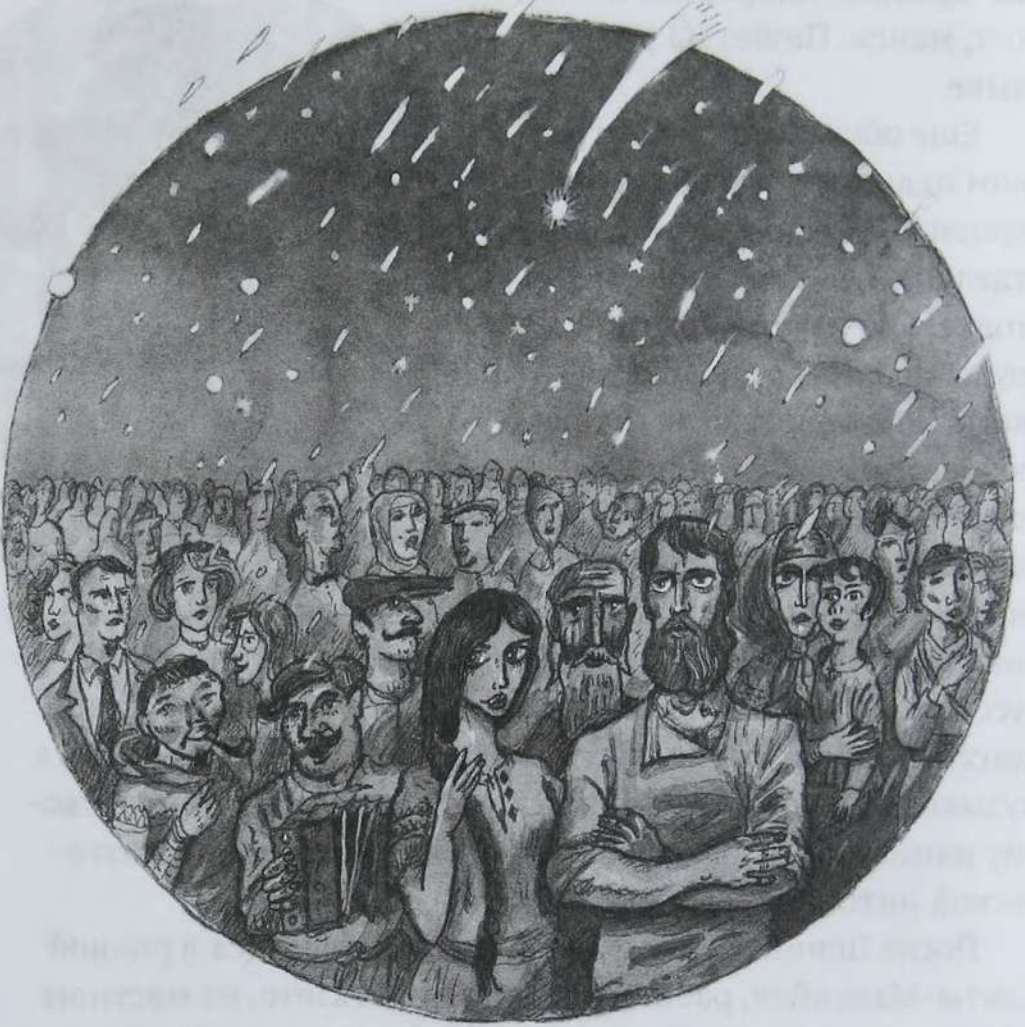
В издательствах Москвы, Екатеринбурга, Тюмени, Ханты-Мансийска и за рубежом увидели свет 23 его поэтические книги.

Он лауреат семи литературных наград, в том числе и всероссийских.

Поэт Андрей Тарханов верен своим высоким традициям: писать взволнованно, ярко, самобытно.

Сейчас он предложил на читательский суд новую свою книгу «Буранная Россия». И признается сам: «В «Буранную Россию» я верю по-особенному: мне кажется, что я привнес в нее все душевные силы, всю любовь к милой России, к ее многострадальным людям».

Редактор

Бурная Россия

Изначалие

Весной вернулись глухари
В свои священные пенаты.
По-детски родичи мои
Им, старикам небесным¹,
рады.

«Они – посланники богов», –
Седой Тимпей с крыльца пророчит.
Он поклониться им готов,
Он ждал их три бессонных ночи.

Вдали сияние зари.
Раскрыты клювы от волненья.
Дивятся солнцу глухари –
Его волшебному явлению.

Глядит ребенок из окна,
С ним рядом бабушка-вещунья.
Поет о глухарях она,
И вторят ей деревья струны.

Я из окна глядел тогда.
На птичий зов душа проснулась,
И нежно миру улыбнулась,
И вспыхнула моя звезда.

1989 год

¹ «Стариками небесными» называют манси глухарей.

Сказанье о Невском проспекте

*Храм Спаса на Крови вызвал мое восхищение
еще в студенческую пору в Ленинграде
своей оригинальной архитектурой.*

Люблю я Невский, словно море,
Люблю, как Обь, в родном просторе.

Ни на минуту не стихая,
Течет, бурлит река людская.
В ней все смятенья, муки века –
От пылкой страсти человека
И до его шального смеха.

2

О, лики! – от прошлой стихии.
О, лица! – страницы России.
Блокадник, идущий из далей,
Вся грудь в орденах и медалях.
Моряк с легендарной «Авроры»
Печален, что крейсер в заторе.
Спешит лейтенант вдохновенный
И стройный, как явор весенний.
Студенты с Камчатки, Ямала,
Из древней Югры и Байкала.
Подросток усталый, как Мцыри,
Сбежал он из душной квартиры,
Девицы, как маска, крикливы,
Их взгляды пусты и ленивы.
Зато вот у этих поэтов
Распахнуты души для света,
Смеются красиво, завидно,
О Пушкине вспомнили, видно.
Старик с посошком и котомкой
Идет из деревни Потемки.
Торопятся в мир россияне,
Любезные сердцу миряне.

Ты любишь свободу, а не
И счастлив твой народ,
Ты любишь труд, а не
Ты любишь мир, а не
Ты любишь...

Ты любишь свободу, а не
И счастлив твой народ,
Ты любишь труд, а не
Ты любишь мир, а не
Ты любишь...

3

Здесь тройка, ей-богу, промчится
Зимою полночной порой,
И звуки бубенчиков чистых,
Рыдая, взлетят над тобой.

Здесь скрипок душевные звуки,
Рожденные возле Невы,
Берут тебя словно на руки,
Возносят все чувства твои.

Несут тебя в белые ночи,
Где чуден мой Спас на Крови,
Он вновь о спасенье пророчит,
Он шепчет: «Воскресно живи...»

24–27 декабря 2014 года

* * *

Я вижу сосновое прясло
И в платье лиловом Тебя.
Ты в свете заката прекрасна,
Гляжу я, печально любя.

Уж год околдован Тобою,
Сияньем распахнутых глаз.
Но... что называла любовью,
Сегодня уже не для нас.

Засыпаны пеплом признанья,
Наивность и наши мечты.
Живешь ты другим ожиданьем,
Желаешь дворец и сады.

На деньги богатого джинна –
Они к нам из сказки пришли –

Ты шубу соболью купила,
И серьги твои хороши.

Но руки, сияя лучами,
Не вскинутся свято ко мне.
Живу я, как прежде, стихами,
Бываю на Веге во сне.

А все прошлогоднее лето
Кедровник пришлось сторожить...
Россия мечтами поэтов
Жила
и вовек будет жить.

16–21 ноября 2003 года

Позднее прозрение

Мы вдохновенно и беспечно
Твердили: счастье впереди,
Идеи наши будут вечно,
И злу от казни не уйти.

Наивность наших пышных мыслей
Враги коварные учли,
Расчетливо, хитро, по-лисьи
Они за нами вслед пошли.

Кричали: «Все на свете – братья!
Что нам делить?!

Пора дружить!»

И раскрывали мы объятья
И тайники своей души.

И вот тогда они высадили
Нам в спину сразу два ножа:
Героев наших очернили,
И в думах съежилась душа;

Закрыли будущее ширмой
Из обещаний и надежд.
Мы торговцами стали в фирмах,
Мы стали слугами невежд.

И, растеряв величье, гордость
В полях искусственной вражды,
Идем походкою нетвердой
Под хохот западной толпы...

Ах, наше позднее прозренье!
Доверчивость сродни беде.
Начнем же снова восхождение
От печки к яркой высоте!

* * *

Твой лик, Природа, сердцу ясен,
Твоя разумность и душа,
Тоску снимает майский ясень,
Восторг несет полет стрижа...

А в шумном мире человека
Настала страшная пора:
Ловчит подлец – хапуга века,
Ханжи кричат: ура! ура!

Их не тревожит крик пожара,
И не взволнует никогда
Мятежный лермонтовский парус
И Достоевского мечта.

И ради собственного блага
Они святыни предают.
И совесть –
рыцарскую шпагу –
С высоких кресел продают.

Беда у каждого порога
Стоит, минуты ждет своей.
А люди спят, и спят глубоко.
Проснитесь же скорей, скорей!

Зов неба

Гори, гори, моя звезда...

(Из старинного ромansa)

О, сколько раз, взмахнув крылами,
Летал во сне над лесом я
И восхищенными глазами
Окидывал свои края!

Сияла мать.

Отец гордился.

Виденья эти – от мечты...
Икар за всех людей решился
Взлететь, не ведая беды.

Горели крылья и машины.
Но вышина звала, звала!
Гагарина – родного сына –
Россия в Космос вознесла.

Америка смотрела в небо.

Там Олдрин,

Коллинз

и Армстронг

Шептали на Луне: «Победа...
Мы верим, люди, – с нами Бог...»

Зов неба в нас живет с пеленок.

И первый крик – сигнал туда.

Я в мир пришел,

еще ребенок,

Но жди меня, моя звезда...

Сталин

*Долго я томился и страдал,
Где же ты, моя Сулико?..*

(Из грузинской народной песни)

Этот мотив, до вершин вознесенный,
Сутью своей будоражил его.
– Где же ты? Где? – он шептал удивленно
И, одинокий, страдал глубоко.

Частыми были такие мгновенья.
В юности, право же, кто не мечтал.
Но уж тогда – на заре потрясений –
Он свою силу от воли познал.

В ссылках он души людей научился
Распознавать, как гонимый абрек.
Рано он верой в себя утвердился,
Рано воскликнул: «Ой, слаб человек!»

Стала желанною власть – диктатура,
Он за нее не щадил никого.
И уроженку глухого аула
Редко уж вспоминал Сулико.

Он – властелин, полководец, учитель.
Брови нахмурит – и люди дрожат.
«Ты почему же народы обидел?» –
Робко спросила однажды душа.

Вздрагнул. Вздохнул. И вокруг огляделся.
Тихо. Бушующий мир далеко.
Словно свеча, тот мотив загорелся:
«Где ты? Приди же ко мне, Сулико?»

Брали сомненья. Ходил, рассуждая:
«Лишь краснобаям домашним везет...
Нету на свете ни ада, ни рая...
Вечное? Это вожди и народ...»

Он умирал тяжело, одиноко.
И прорывалось к нему издалека:
«Где ты? Спешу.
Это я, Сулико...»

На троне

Я вышел,
стою озабочен,
Расстрелянный сотнями глаз...
Я взял свои строки у ночи,
Я помнил в то время о вас,

Мои молчаливые люди,
Герои и судьи мои.
Неужто найдется Иуда
И плюнет на муки мои?

На сцене я словно на троне!
Я исповедь сердца принес:
Мы все от коварства в погоне.
Но каждый с надеждою рос,

Что будет и воля, и радость
Общенья с любовью, с мечтой,
И неба духовная святость
Воссоединится с душой.

И пили мы в детстве доверье –
Лугов и полей молоко.
И было нам с мамою верной
Возвышенно и легко.

Но эти от жизни святыни
У многих ли нынче в душе?
К тому, кто их предал повинно,
Они не вернутся уже.

В одном порыве

На небе хмарь от потепленья,
На лапах елей снег сырой.
И тишина,
и нет движенья,
На время замер мир ночной.

Неужто Сириус веселый
Не одолеет нынче хмарь?
Из чума снежного на волю
Не вскинется к нему глухарь?

Четыре ночи.

Мне не спится.

На море, видимо, прилив.
В моей душе, в звезде и птице
Живет сейчас один порыв.

Увидеть нам друг друга надо,
В порыве утвердить себя,
Что в нашей встрече есть отрада –
Грядущий символ бытия.

22–23 ноября 2012 года

* * *

Я – радостный мученик Бога.
По воле его на Земле
Кремнистую выбрал дорогу,
В камнях она и в золе.

Гроза меня гонит под крону,
И молнии близко горят.
Мне ведомы страхи и стоны
Деревьев и птиц, и зверья.

Я вижу полей опустенье,
Тоску деревень слышу я.
В деревнях России спасенье
Ее вековая стезя.

Душа моя – знак притяженья
Страданий и болей людских.
И в этом – мое вдохновенье.
И обретает паренье
Обласканный муками стих.

1987 год

Посланники Христа

*Просветители, служители церкви,
такие, как Иринарх – Иван Семенович
Шемановский, достойны вечной
памяти народов России.*

Всевышнего посланцы,
Ваш подвиг осиян.
Вот Серафим Саровский...
Кронштадтский Иоанн...

Спасал несчастных души
В Обдорске Иринарх.
И улыбались дети
На праведных руках.

Его встречал радушно
У чума самоед.
Его байдарке утлой
Махал остяк вослед.

Стал Иринарх для тундры,
Как малица, своим.
Он подарил ей школу,
Приюты.
Он – любим.

Он миссию от Бога
Исполнил до конца.
Он заслужил сиянье
На терниях венца.

Коль в сердце равнодушие,
То нас калечит быт.
В Обдорске-Салехарде
Он, Иринарх,
забыт.

О люди, перед Небом
У нас у всех вина.
Ведь память как спасенье,
Как радость нам дана.

* * *

*Это стихотворение навеяно
романом В. С. Пикуля «Баязет».*

Близ Ванской дороги стоит Баязет.
Повсюду сражений отчаянных след:
В песках ятаганы, мортиры, клинки...
И скалы рыдают в ночах от тоски:

Им столько жестокостей видеть пришлось!
Сказанье об этом длиною до звезд.
И ясно уже, что народы Земли
С рожденья дорогой ошибок пошли.

Ни дня без сражений. Восходы в крови.
А созданы все для трудов и любви...
Планета сегодня как тот Баязет:
Мы, люди, – носители горя и бед.

* * *

Молчит седых небес оргán.
Еще студеный океан
Щадит
 Оби притихшей дали.
А мы с тобою, мой дружок,
На перепутье трех дорог
Печальными до срока стали.

Мы верим грому, доброте,
А зло нахохлилось везде,
Оно собьется скоро в стаю.
И мы с тобой в смятенье, друг,
Ты как спасительный мой круг,
Тебя за плечи обнимаю.

Но неужели зло дружней?
И неужели зло сильней
В своих наветах, кознях, сварах?
Своекорыстны нынче мы,
До крайности беспечны мы –
И потому земля в пожарах.

* * *

*Я поведал подлинную житейскую
историю, страшную по своей правде.*

Серезу ребята нашли в конуре,
И это случилось в дожди, в сентябре.
Оставил отец его, бросила мать.
Сереза залез в конуру умирать.

– Сереза, иди к нам, – Андрюша просил.
– Мне свет без отца и без мамы не мил.
– Но света они недостойны, Сергей,
Коль бросили сына. Иди к нам скорей.

– Куда я пойду, если дождик вокруг?
– Ко мне мы пойдем, – уговаривал друг.
– Ты в нашей квартире теперь станешь жить.
Родителей сыщем. Чего же тужить!

И вылез Сереза к друзьям не спеша.
Растерянный, жалкий... Рыдала душа...
Родителей тени погасли вдали.
Он выстоял в жизни. Друзья помогли.

Человек и Волк

*Как известно, Волк являлся одним
из символов древней славянской Руси.*

Скоро выпадет снег
По велению свыше.
И седой Человек
Рано встанет на лыжи.

Лес зовет.
Зоркий Волк
Чуть качнет головою.
На людей он не зол,
Люди странны порою.

Вот идет Человек,
Улыбается небу.
По душе ему снег,
Сам стремится к рассвету.

Волк у кедра,
В свою
Силу верит, поверьте.
Если нужно – в бою
Будет драться до смерти.

Что мы знаем о нем?
Только самую малость –
Что он, хищник, умен.
Да, имеет он жалость.

Вспоминаю. Спешил
Я домой по Туману¹.
Ночь. Зима. Ни души.
Я зову к себе маму.

¹ Туман – большое озеро.

The illustration is a circular vignette. In the center, a large, detailed wolf's face is the focal point, looking directly at the viewer with intense, light-colored eyes. The wolf's fur is rendered with fine, dark lines, giving it a textured, shaggy appearance. The background of the vignette is a winter night scene. A large, bright full moon hangs in the upper left quadrant, casting a soft glow. The sky is filled with small, five-pointed stars. In the foreground, a snow-covered path leads from the bottom center towards the middle ground. A small, dark silhouette of a person is walking away from the viewer along this path. The path is flanked by several evergreen trees, their branches heavily laden with snow. The overall style is that of a classic woodcut or engraving, with fine lines and cross-hatching used for shading and texture.

The illustration is a circular vignette. In the center, a large, detailed wolf's face is the focal point, looking directly at the viewer with intense, light-colored eyes. The wolf's fur is rendered with fine, dark lines, giving it a textured, shaggy appearance. The background of the vignette is a winter night scene. A large, bright full moon hangs in the upper left quadrant, casting a soft glow. The sky is filled with small, five-pointed stars. In the foreground, a snow-covered path leads from the bottom center towards the middle ground. A small, dark silhouette of a person is walking away from the viewer along this path. The path is flanked by several evergreen trees, their branches heavily laden with snow. The overall style is that of a classic woodcut or engraving, with fine lines and cross-hatching used for shading and texture.

На каникулы я,
Пятиклассник, шагаю.
Никакого зверья
Нет сейчас, – я считаю.

Вдруг послышался вой
Где-то рядом, на взгорке.
«Это волк», – голос мой –
Боязливый и горький.

Волк казался большой
И мерцающей глыбой
Под Луной голубой,
Легкой дымкой накрытой.

Чтоб меня не пугать
Видом грозным и строгим,
Он решил полежать
Чуть в сторонке дороги.

Зов крови усмиря,
Волк вздохнул с облегченьем.
И почувствовал я:
Наступило спасенье.

Волк –
 как будто уснул.
Уши чуткие зверя
Дали знак,
 я шагнул,
Сердцем Волку поверил.

Торопился домой.
И Луна мне светила.
Постучал.
С криком: «Ой!» –
Мать в охапку схватила.

В ласках юного дня
Я проспал до обеда.
Маме, бабушке я
Все о ночи поведал.

И, наверно, на миг
Возносил себя лихо:
Милой бабушки лик
Был печальным и тихим.

Для нее ночь была –
Как душевная мука:
Ночь молилась она
За спасение внука.

10–17 марта 2015 года

Гуляет Азовское море

*Леониду Ивановичу Киселеву –
человеку, любящему народ*

Взволнован на круче цикорий,
Вздыхает полынь глубоко.
Гуляет Азовское море,
Взлетает волна высоко.

Но где же мой парус привольный
И серьга – морей талисман?
Сейчас разгуляюсь, как волны,
Я ныне поверил волнам.

Не надо сомнений бояться.
И бури бояться грешно.
По гребням я стану вздыматься,
Об этом мечтал я давно.

Шаланда под парусом мчится,
Остался мой страх у костра.
И море рычит, и клубится,
Со мною роднятся ветра.

Гуляй же, Азовское море!
Гуляй, штормовая волна!
Прощай, василек мой – цикорий,
Душа вознесенья полна...

2002 год

Морок¹

Качаются ели ночные
От ветра кочующей бури,
Мечтают они о лазури,
Сегодня они – как немые.

Неделя идет за неделей,
По-прежнему редки просветы,
Похоже, что морок планету
Окутал свирепо и смело.

В огне Украина, Египет,
Проснулись везде террористы,
От крови хмельны исламисты,
Мечта в этом хаосе гибнет.

Он, морок, туманит сознание.
И празднуют час свой пороки.
Но слышится голос пророков:
«Нам божье дано испытание».

24 сентября 2014 года

¹ Морок – Так в народе называют хмурое, беспросветное состояние неба.

В Литинституте

Парней, девчат из всех провинций –
С Оки, Урала, Иртыша...
Москва всегда звала к единству
С природой вольной, как душа.

Здесь говорят:

 трудна дорога
К вершине семицветных слов.
И все-таки поэт – от Бога, –
Его надежда и любовь.

9–11 февраля 2015 года

Сургутский парк

Темны промокшие стволы,
В слезах шиповниковый стланик.
Видна, достойна похвалы,
Моя гостиница «Нефтяник».

Я тут живу – желанный гость,
И в ближний парк веселых сосен
Хожу я словно на покос
С улыбкой праздничной, как осень.

Люблю я здесь встречать зарю
У речки, умершей, воскресшей,
Несущей вдаль печаль свою
Неприхотливо и неспешно.

И сургутяне этот парк
И эту речку обожают.
Седые юность вспоминают,
Для молодых парк –
 словно бар.

Здесь встречи звонко назначают
Влюбленные под крик желны.
Бывает – водку распивают
Бродяги или сорванцы.

Они, бродяги, не случайны,
Они от смуты всей страны...
Есть в этом парке обаянье,
Задор, задумчивость Весны.

Дума о дальнем

*Памяти замечательного человека
и писателя В.С. Пикуля*

О, первый запах трав и почек,
И горьковатый дух земли!
И сердце снова в небо хочет,
Туда, где плачут журавли.

Здесь, у гостиницы «Россия»,
У стен Кремлевских на виду
Гляжу с улыбкою мессии
На иностранную толпу.

Она галдит, она хохочет.
О чем ей, собственно, тужить!
Своей раскованностью хочет
Нас удивить и покорить.

Но... не понять ей нашей думы.
Уж таковы мы по судьбе –
Поют о мире наши струны,
Лишь забывая о себе.

И я, мятежный сын Природы,
Как Достоевский, жив мечтой –
И небеса, и все народы
Спасутся только Красотой.

Стерплю за веру оскорбленья.
Но я боюсь за тех людей,
В ком нету чувства вознесенья,
В ком нет любви к земле своей.

* * *

К нам из Америки летел торнадо.
Не одолев Урал,
 он сразу сник.

Шальные тучи,
 как бизонов стадо,
В себе таили первобытный крик.

Проснувшись от загадочной тревоги,
Увидел в небе я свою звезду.
Она смотрела жалостно и строго,
Едва успев остановить беду.

Я знаю, что придет ко мне расплата
За смелые деяния стихов –
И силы зла опять пошлют торнадо.
Но к этой встрече я уже готов.

* * *

Сыну Илье

Идут по дороге обозы,
Идут голубые стога.
Их нам подарили покосы,
Их нам подарили луга.

Веселые кони апреля
Душистое сено везут.
В нем шорохи белого зверя,
В нем запахи ветра живут.

Глядят, улыбаясь, деревни
И знаки дают пацанам –
Мол, надо в дороге напевной
Душой приобщиться к стогам.

На миг остановятся кони –
Гляди, мы уже на стогах.
Нам хочется жуткой погони,
Нам хочется неба в глазах.

Бунтарское зреет желанье –
Над стогом своим вознестись.
Но... кнут получай в наказанье,
Напутственный крик: берегись!

Ну что же я сделал плохого?
Никак не пойму я пока.
Под аркой вопроса немого
Идут голубые стога.

К переселенцам

*В Кондинском районе было шесть
поселков, основанных переселенцами,
так называемыми кулаками,
из центральной части России.*

Поселки ваши, как станицы,
Длиной, наверно, в три версты.
Не забывали вы молиться
И ждали от властей беды.

Слезу последнюю упрятав
На всякий случай, для Креста,
Вдруг поняли, что есть отрада –
Терпенье, труд и красота...

Святые руки хлеборобов!
В страду черны и тяжелы,
Трудились истово до гроба,
В миру не ведая хвалы.

Судьба давала испытанья
И на поля, и на тока.
Вы были истинно крестьяне
С наклейкой мрачной «кулака».

Как детства милые игрушки,
Остались в памяти годов
Фамилии: Кузьмин, Петрушкин,
Фомин, Денисов, Иванов...

Остались в памяти бескрайни
Поля пшеницы, спелой ржи.
Но... нет уже поселка Дальний,
И в Пятом – ни одной души.

Переселенцы, дети ваши
Вернулись в свой центральный край.
И, глядя на пустые пашни,
Былому говоришь: прощай!

Но это злое запустенье
Полей – повсюду.

Боже мой!

Какого ждать столпотворенья?
Грядет ли вновь переселенье?
Скажи, Россия, что с тобой?!

Буранная Россия

По праздникам, как прежде,
Бубенчики звенят.
И тройки вихревые
Куда-то вдаль летят.

Гляжу я потрясенно,
Восторг души – как стон:
Игреновые кони,
Сергей Есенин? Он!

И звон, и смех гармонии.
Эх! Милая, лети!
И снова тройка, кони
Шальные на пути.

И нету сил, ей-богу,
Чтоб их остановить.
Все недруги с дороги!
России вечно жить!

22 января 2015 года

Их продали.

Ты нужен для дома.

Нынче мода такая пошла:

Всех собак, что берут для охраны,

Учат лаять на всех незнакомых,

Чтоб озлобилась в лае душа.

Я сосед твой в лесистой округе,

Я имею идею свою.

Проходя мимо вашей лачуги,

Я с тобою порой говорю.

Так живем мы,

нескладно и трудно,

Мир красивый деля на куски.

И тебе по судьбе неуютно,

И просветы мои далеки.

Но какая-то связь между нами

По велению неба жива.

Слышу крики твои я ночами,

И рождаются в сердце слова...

А вчера, благодарный, неслышный,

Ты лизнул мою руку и стал.

От меня, в это верю я, Рыжий,

Ты поступка ответного ждал.

И сверкают глаза,

нет испуга,

Ты зовешь человека к себе.

В этот миг мы признали друг друга,

Подошел я с улыбкой к тебе.

17–20 сентября 2013 года

Божий посланник

Поэт – посланник божий,
Пора бы это знать.
Небесно мыслить может,
Умеет сострадать.

Людей убогих много:
А мне, мол, все равно.
Познать стезю пророка
Поэту суждено.

Он раненую птаху
В лесу обережет.
Он с плеч свою рубаху
Бродяге отдает.

Грядущий день в тумане.
И чувствует поэт:
Готовит зло обманы
И беды от невежд.

Народ бы жил в согласье
С природой и душой,
Тогда к поэту счастье
Пришло б само собой.

14–17 марта 2013 года

* * *

Сыну Илье

Грохочет колесница небесного Ильи.
Нахмурились священные листвени мои.
Не за себя боятся,

боятся за людей,

И за своих питомцев –

певучих глухарей.

Их брови пламенеют от ярости огня,
От молний, окрестивших и небо, и меня.
Под козырьком амбара священного стою,
Я с детства грозы яркие загадочно люблю.

При первых звуках грома я забывал себя.
Опомнюсь –

улыбаюсь раскатам грома я.

Сестра стучит в окошко:

«Иди скорей домой...»

Пою, раскинув руки, охваченный грозой.

И что за воля мною владела в этот миг?!

Увидел я однажды Ильи-Пророка лик:

Глаза темнее ночи,

в них бездна и огонь.

Крылатый златогривый возносит Бога конь.

И вдруг он улыбнулся – Бог молний роковых,

Он плеч моих коснулся в потоках дождевых.

Его благословенье, видать, в душе живет.

Услышу гром – и знаю:

Илья-Пророк зовет.

Сестры милосердия

*Посвящается женщинам санатория
«Ахманка» Тюменской области.
Раздумья тех исторических сестер
отвечают раздумьям нынешних
патриотов Отечества.*

Россия, твое оправдаем доверие!
От звуков оркестра румянится даль.
И движется поезд сестер милосердия
На поле сраженья, где гром и печаль.

Ах, сколько, сестренки, вы мук испытали!
И стоны, и зовы мужские для вас...
Солдаты вам души свои доверяли,
И к жизни вы их возвращали не раз.

Крестьянка Седых и княгиня Аверина,
И сотни других благородных сестер,
Мы вам от любви, восхищенья поверили,
И слава о вас велика до сих пор...

Вернемся же в Русь двадцать первого века.
Опять негодьям живется легко.
И снова не ценится жизнь человека,
И золото снова – превыше всего.

Вернемся в деревни,
В наш день затуманенный.
Деревни спасали Россию всегда.
Хотя мы обманом и ложью изранены,
Но совесть жива, как спасенья звезда.

Здесь жены и матери – солнце доверия,
Угасли б деревни Отчизны без них.
Здесь женщина – это сестра милосердия,
Спасает от бед и своих, и чужих.

Крестьянка Седых и княгиня Аверина,
И сотни других благородных сестер,
Вы светите нам, и в себя мы поверили,
И верую этой живем до сих пор.

2001 год

Врач

*С великой благодарностью врачу
Ирэне Филипповне Щепеткиной*

Я зрю Природы мрачные ущелья,
Огонь вулканов, праздник вод морей.
Летают, будто вороны, поверья
И страхи грешных в суете людей.

Слаб человек,
Он вечно чем-то болен,
Виновник сам житейских неудач.
И потому Всевышний беспокоен.
Из нас любому нужен мудрый врач.

Лечить людей – священная дорога, –
Их души понимая, плоть крепя.
И врач порою,
 как посланник Бога,
Приносит в жертву самого себя.

Есть знания в миру –
 от века к веку,
Их надо разгадать нам в письменах.
Подвластны тайны воле Человека,
Его уму, сиянию в глазах.

Есть дар врача на трепетное слово
И на чутье, на чувства – дар Творца.
Лик радостный спасенного больного
Сам озаряет души и сердца.

Достоин врач лаврового венца.

10 августа – 7 сентября 2010 года

Одинокий поручик

Развеялись дымные тучи
Над полем вражды и стрельбы,
Стоит одиноко поручик –
Осколок пехотной цепи.

Над полем морозно и ясно,
Березы у поля стоят.
К последней атаке на красных
Готовится белый отряд.

Стоишь ты задумчиво, тихо,
Перчатки в морозной пылице.
Закручены усики лихо
На смуглом красивом лице.

Ты думаешь: «Как совершенны
Березы в январском цвету!
Забыли мы в схватках смертельных
Природы родной красоту.

Не дикость ли это?!
Довольно
Об этом судить и рядить!
России воюющей больно,
Но некому нас рассудить».

И будет атака. Перчатки
Ты бросил на розовый снег.
И топот услышал солдатский...
Прощай, мой расколотый век!

За полем тайга почернела.
Снега, как ромашки, цветут.
Идете вы в белых шинелях,
А красные
 в красных идут...

И лес расступился дремучий,
Живые, спешите уйти!
Лежит одиноко поручик
С наганом,
 прижатым к груди.

Вечный бой

Отцу – Семену Прокопьевичу Тарханову

Глаза земли задумчивы и кари,
А щеки в конопушках земляник.
Поляна детства мне раздумье дарит,
И к ней душою
 я сейчас приник.

Там – голоса.
Я чую запах гари.
Гранаты рвутся,
Вечный бой идет.
В горячих бликах
 близкого пожара
Отец в атаку поднимает взвод.

Ты оглянись, отец,
и я запомню
Твои черты,
ведь я не помню их.
Скажи о том солдатам запыленным,
Чтоб я запомнил и солдат твоих.

Но вы спешите.
Голоса стихают.
Я поднимаю голову –
Вокруг
Оранжевые бабочки летают,
Глухарь смешно оттачивает звук.

Мир на земле.
И нету выше блага,
Чем это –
слышать небо и траву.
Дай бог, в стране жива отцов отвага,
И потому, наверно, я живу.

* * *

Памяти друга Володи Тырлина

Чащобный запах кружит подо мною
Коры и прели, моха и норы.
И над моей июльской тайгой
Струятся в небо марева костры.
То праздник детства:
Я с вершины кедра
Оглядываю хвойный океан.
Доверчив я.
Нежны ладони ветра.
Сейчас себя дарю я небесам.

Душа уже как будто улетела
Туда, где загорается звезда.
И от восторга невесомо тело,
Но по тропе
уже спешит беда.
Ах, что беда!
Пою, раскинув руки,
И вижу удивленный взгляд орла...
То первая с землей была разлука,
Разлука ради высоты была.

Мартовский рассказ следопыта

*Знаменитому следопыту Югорского края
Юрию Ивановичу Щепочкину*

«Моя заимка у реки.
Вблизи кедрач суровый, темный.
Живут в нем часто собольки,
Любя простор до неба хвойный.

Я этой ночью ощутил
Всем существом явленье наста.
Смотреть ловушки я ходил,
На время был, как сыч,
глазастым.

Снег темно-синим стал ледком.
Но в час Луны засеребрился,
Когда зарделся окоем –
В глуби зеленым озарился.

И началась игра теней,
Лучей и бликов – изумленье!
Я чуял близость соболей,
Росли азарт и нетерпенье.

Ведь пять зверьков капканы дали,
Но мне казалось: мало, мало.
Имел всегда к зверькам я милость,
И нате – жадность появилась.

Ей-богу, испугался я:
Такой изъян не для меня.
Не надо мне казенной славы,
Я древний промысел оставил.

Прощай, заимка! Хвойный бор,
Тебя я помню до сих пор.
Зову порой на разговор».

12 января 2009 года – 20 ноября 2014 года

Затворница

Уж год затворница Кристина
Живет в седом монастыре.
Она юна, мила, безвинна,
Ее молитвы на заре.

В суровой келье одиноко
Течет особенная жизнь.
К родному дому спит дорога,
Молись, затворница, молись.

Опять гроза.
То гнев Вселенной
Для неприкаянных людей.
Твоя гроза – в словах моленных,
Она в груди не для затей.

Горит свеча.
В душе покойно.
Твоя звезда глядит с небес.
Невдалеке мир беспокойный,
Там много унижений, слез.

Горит свеча.
«О, милый Боже,
Приди же к нам, так много зла...»
Я верю – небеса тревожит
Твоя моленная слеза.

Свеча горит.
Молись, Кристина.
И я молюсь, но про себя.
Ко мне летит из глуби синей
Звезда, жалея и любя.

13–16 ноября 2012 года

Герои России

*Кланяйтесь, люди, поэтам
и творцам земным...*

Виктор Астафьев

Герои есть еще в России,
А с ними мужество, любовь.
В свирепой стуже, в стуже синей
Идет на полюс Конюхов.

И как моряк на реях в бурю,
А вдруг покажется земля, –
Он – космонавт, в небесной хмури
Антенну правит корабля.

Не спит в ночи художник века,
Не спит великий Глазунов:
Он пишет образ Человека,
Который к подвигу готов.

Их мало, нынешних героев:
Поэт, творящий на заре;
Геолог – путник топей, хвои;
Ученый с думой на челе.

Идет народ с надеждой в храмы.
О Господи, от мук спаси!
О людях страждет неустанно
Наш Патриарх всея Руси.

Россия... Взлеты и паденья.
И взгляд врагов из-под руки.
Нужны героев поколенья,
Нужны для вечного спасенья
Не единицы,
а полки.

Декабрь 2002 года

* * *

Осколок солнца в сердце у меня.
Я с ним не знаю лени и покоя.
Душа моя сегодня –
поле боя,
Где в наступленье вечном –
зори дня.

* * *

В человеке бездна жизненности...

Ф. Достоевский

Бездна жизненности во мне.
Словно воля бесстрашных людей
И горенье цветов на стерне
В плоть вошли мою с песней моей.

И тоска в моем сердце живет.
Просыпаясь, порою она,
Как налетчик, за горло берет,
И... темнеет в глазах вышина.

Я готов на колени упасть,
В этот миг послушанья тая.
Но души непонятная власть
Останавливает меня.

Торопливо за двери ведет
В мир боренья,
 навстречу весне.
Ах, как верба пушисто цветет!
След Армстронга цветет на Луне.

После бури

Сегодня ели так качало
Тревожной ночью грозовой,
Что ели бедные не знали,
Как выстоять в час роковой.
К земле их пригибала сила
Бескрайней темноты небес.
И мне душевно жалко было
Объятый звучными дождями
И суматошными ветрами
Мой, родственный по духу, лес.
Я выбежал к нему повинно,
Когда, задев мое окно,
Упала ель, накрыв рябину,
Которую берег давно.
Но лесу кто сейчас поможет?
Я сам, как стойкий воробей,
Промок у дерева до кожи,
Спасти рябину нету мочи,
Я звал на помощь небо ночи.
Меня и лес узрели, вроде, –
Просвет один, второй блеснул.
Стихала явно непогода,
Стал сдержанней деревьев гул.
И чудо! – Сириус¹ открылся,
Он ярко звездами искрился,
Ему я даже улыбнулся.
От бури даль жила отрадой,
И небосвод от звезд горел,
Как будто для души крылатой
Открылся в небесах предел.

7 сентября – 18 ноября 2014 года

¹ Сириус – яркая звезда.

Если подумать...

Который век хмельна от рева
Европа на Россию шла...
Она хотела злата, крови,
Знать, такова ее душа.

И в том она неисправима.
Найдись сейчас Наполеон,
Она бы хлынула лавиной
На Русь, творя везде погром...
Вновь получив позор, полон.

Европа любит сладки речи,
Игру в единую семью.
В ней зреет миф о новой сече.
Россия, мощь крепи свою!

14–15 февраля 2014 года

Мы

Другу детства Геннадию Мезенцеву

Была избушка на яру,
И лебеда росла на крыше.
Из-за такой лихой травы
Избушка становилась выше.

В избушке жили мать и сын,
Подросток Генка, добрый, смелый.
Отец его погиб в бою,
Мы с Генкой счет к войне имели.

Я – интернатский сирота,
Отец от ран скончался в поле.
Мы с Генкой – братья по судьбе,
С войною связанная доля.

Всем было голодно тогда,
Спасенье наше – в репе сладкой.
Еще любили леденцы,
Держа их за щекой украдкой.

Летели годы. Институт
Закончил я,
 и Генка – то же.

Но стал он на тропу войны,
Отчизны честь всего дороже.

На Кубе, во Вьетнаме был,
Ходил дорогами Афгана.
Был окружен, но в схватке той
Он отстрелялся из нагана.

Нас только двое,
 но враги
С лихвой poznали нашу силу.
Мое оружие – стихи,
Геннадий же – боец России.

13 октября 2012 года

Пророк

*Памяти великого поэта Михаила Дудина.
Михаил Александрович при жизни неизмеримо
далеко своими мыслями и чувствами
опережал время. Он был трагичен.*

Он много шутил, балагурил
По-дружески и без затей.
Читал эпиграммы, прищурясь,
На злых и хвастливых людей.

Но странно:

 в компании шумной
Нежданно впадал в забвенье
От некой пронзительной думы,
Имеющей власть на него.

Друзей покидал отрешенно.
И вот он стоит одиноко,
И видит страну обнаженной
В пороках –
 как мудрый пророк.

Пред ним открываются тайны
Старинных кремлевских дворцов.
А эти роскошные зданья –
Уже современных воров.

Он шепчет: «Доколе же будет
Страдать терпеливый народ...»
Поэт возвращается к людям,
Суд Божеский, видно, грядет.

22–24 ноября 2012 года

Эльбрус

В броне серебряной стоит,
Как после боя смиренный воин.
И о судьбе грядущей мнит,
Он милости небес достоин.

Ночуют ветры на плечах,
Даря ему мирские вести.
Он на восходе – при свечах –
Обряд,
 лишь Космосу известный.

Когда грозою возмущен,
Суровый Эльбрус брови хмурит,
Я, думаю, в него влюблен.
Вдруг, как вулкан,
 проснется он,
Не избежать нам страшной бури.

Запомнят этот гнев века:
И камнепад, и гром, и темень.
Но... Эльбрус тих, как Бог,
 пока.

Он знает –
 гневаться не время.

Гармония залива

*Памяти замечательного
художника Югорского края
Михаила Ефимовича Бронникова*

Залив и Белая гора,
За ней направо луговина.
– Здесь устье старое Назыма¹? –
Вы спросите у осетра.
Сюда заходит он порой.
Он помнит детские проказы,
Как ловко обходил провязы,
Играя с ласковой волной.

Залив Оби.
На взгорке дом
Художника и рыболова.
На полотно берет он снова
Цвета грозы, сиянье волн.
Художник – в царстве красоты.
Глухарь скрипит на тихом кедре,
Он, видно, шепчет юной ветке:
– Я удивляюсь, как и ты,
Заливу, живности воды.

Глухарь к художнику привык.
И с высоты давно смекает –
Его художник понимает
Как сына бора и травы...
И новый день в лучах настал.
Живи, гармония залива!
Художник, с кистью у обрыва,
Глухарь поющий, желтый вал...
Я тоже здесь, как друг, бывал.

¹ Назым – название реки.

Рерих

Я вижу горы, горы, горы
В ручьях багрово-алых жил...
Он, им раздумчивым и гордым,
Отвагу сердца посвятил.

Его, художника-поэта,
Угрюмость тайны веселит.
Как Будда грозного Тибета,
Он в глубину небес глядит.

Сжимает кисть рука упрямо,
Снег озаренья бьет в виски.
И в сердцевину чуткой рамы
Упали первые мазки.

И снова горы, горы, горы
И Ганг, бушующий вдали...
Зачем вы, журавли, на горе
Поклон от Волги принесли?..

У Балатона

Красивый сон:
на берегу
Один стою у Балатона.
Кого любил,
что берегу, –
Навеки сохраню достойно.

Но почему же я один?
Где Ференц, Ева,
голос Анны?
И почему я отделим
От них сейчас жестокой тайной?

Вот парусник...
Видать, за мной
Мои друзья его послали?
Я парусу машу рукой:
– Я жду!
Меня возьмите в дали.

Веселый Ференц машет мне.
Но почему печальна Анна?
Вдруг в этой странной тишине
Я слышу: «Друг мой, до свиданья»...

Стою один на берегу.
Мой милый парус – в дымке знойной.
Кого любил,
что берегу, –
Навеки сохраню достойно.

4 февраля 2015 года

Гонец Востока

Другу – поэту Князю Гурбанову

В печальной мгле луна – фонарь
Оранжевого цвета.
Мой поезд озаряет даль,
Он – движитель рассвета.
С Востока мчится поезд мой
На Запад темный, хмурый.
Леса родимые стеной
Стоят как перед бурей.
Они глядят с надеждой вслед:
Да станет свет желанным!
Смотрите – заалел рассвет,
Ушли с небес туманы.
Восток и Запад – вечный спор:
Кто выше? Кто главнее?
И отвечает Солнца взор:
Восток сейчас мудрее.
Он ищет тайну бытия:
Как можно жить без войн?
С вопросом этим еду я,
Поэт, любви достоин.

Гонец Востока – поезд мой,
Рассвет за мной пылает.
Но неохотно Запад злой
Ворота открывает.
Не верит помыслам святым,
Не верит в дружбу Запад.
Он верит слиткам золотым
И думы в сейфы прячет.

Берлин, Париж...
С трудом пришел
Мой поезд к океану.
Я вижу беспокойный дол,
Тревога неустанна.

Лучи ласкают тихий вал,
Лучи пришли с Востока.
Простор угрюмый воссиял,
Окончена дорога.

1–14 августа 2004 года

Певец Хворостовский

Как странник в миражной пустыне –
Найти бы спасительный дол! –
Так шел Хворостовский к вершине,
По-божески к музыке шел.

И, звукам чарующим внемля, –
Чайковский и Верди звучат, –
Он понял по-новому землю,
Ее красоту и разлад.

Земли притяженье всемерно:
Здесь мать
и на крыше скворец...

Поверил в народ и Россию,
Поверил в талант свой певец.

Италия, Франция, Лондон –
Над миром звучит баритон,
Звучит вдохновенно и гордо,
Он к душам людей обращен.

Певец, восхищенный природой,
Звучаньем небес и морей,
Исполнен духовной свободы –
Помочь озаренью людей.

29 апреля 2009 года

Прозревший сторож

Осенняя ночь подозренья,
Кругом воровство и грабеж.
И сторож Евгений Мотыгин
Имеет берданку и нож.

Он знает:

 в складских помещениях
Товаров любых – завались.
Воруют их зло, вдохновенно,
Такая уж, видимо, жизнь.
Казенного парню не жалко,
Коль могут –

 пускай волокут.

А рядом в ограде овчарки
От злобы штaketник грызут.
Стоит он под лунной березой,
Струится ветвей листопад.

И сахарно-белые росы
На грешную землю летят.

И сторожа вдруг озарило
Вопросом под стоны ветвей:

«Какие же темные силы
Владеют сознанием людей?

Запоры, овчарки, капканы –
Орудия мести людей.

И тенями ходят паханы,
Насилуя даже детей.

Да что ж я стою оробело?
Зачем я ворюгам служу?!»

И сторож отчаянно-смело
Родимое вскинул ружье.

И стал он палить по фигурам,
Уверенно грабящим склад.

Из темени зоркой и хмурой
Ударил в ответ автомат.

И все же последнюю пулю
Мотыгин удачно послал.

Затишье вокруг наступило,
И сам он на землю упал.

Чудотворные дали

Сыну Ивану

У природы есть места волшебные –
Чувствуешь душою благодать,
Травы и цветы растут целебные,
Воздуху и звукам исполать.

Вспоминаю Ендырское озеро,
В рыжей хвое золотистый яр.
Белка на меня, уставясь, цокала,
Скрипы-звуки посылал глухарь.

Словно признавались мне в доверии,
Другом по наитию признав.
Тучи растворялись за деревьями,
Силы неба здесь имели кров.

Эта радость нового познания
Ожила в Синицинском бору.
Неспроста бытует здесь сказание,
Что Христос в крестьянском одеянии
Тут ходил однажды поутру.

Дали чудотворные России
Лермонтова, Пушкина носили,
Льва Толстого, Чехова вспоили.
У России чудо-далей много.
В этом сила наша, слава Богу!

2–4 декабря 2004 года

Последний солдат империи

*Эти многозначительные и гордые
слова Россия относит к писателю
Александру Проханову.*

Он был в Афгане и Чечне.
Да где он только не был!
Он воевал, горел в огне,
Над ним зорилось небо.

Врагам казалось – от огня
Он превратится в пепел.
На этой кромке бытия
Его спасало небо.

Тропу спасенья находил
Он в джунглях и болотах,
И костерок он разводил –
Как звездочку свободы, –

Ночами грозными творил –
Писал о днях боренья.
Империи он посвятил
Своей души горенье.

Опять в раздумье он один,
Все мысли о России...
А рядом с ним –
 пожар рябин
И песня белых лилий.

23 марта 2015 года

Кровинушка России

Река Ишим горда затонами,
Глаза от лилий веселы.
Парную воду пьем ладонями,
Ее нам грозы принесли.

Любуемся на зорьке плесами,
Пески оранжево-белы.
Их обмывает небо росами,
Ласкают взлетные валы.

Блаженствуем ночами майскими,
Когда рыбацкий костерок
На плесе алом лечит сказками,
Тропинкам дарит свой дымок.

Мы здесь нальемся вольной силою
Среди валов, среди полей.
Ишим – кровинушка России,
Как Волга, Обь и Енисей.

Июль 2012 года

Эх, новый купец!

Чайникову Леониду Григорьевичу

Запах воли, мороза и сена,
Запах водки, оленьих рогов
Он принес в мои тихие сени,
В мир моих обручальных стихов.

Скинув на пол и шапку, и шубу,
Он, и вправду, до ниточки свой.
Горделивую спутницу Любу
Приглашает к застолью рукой.

Он купил на Ямале оленей,
Пропил в Омске на спор пароход.
И сейчас он, фартовый, метельный,
Вновь к себе приключенья зовет.

Любит рябчиков, спирт, строганину,
Гулеванит по-царски в лесу.
А потом с головою повинной
На себя вызывает грозу.

Он познал разоренье с лихвою,
И опять начинает с нуля.
Бог качает тогда головою:
«Так и быть – помогу тебе я».

Апрельские боренья

Куда же они подевались?
Не видно синиц и сорок.
Под коркою льдистой увалы,
Кедрач не по времени строг.

Лукавые ветры Урала
Приносят порою снега.
И белки,
 что тихо дремали,
Пускаются тотчас в бега.

Но ветры от Черного моря
Влажны и в боренье сильней.
И начинается вскоре
Трехдневная пляска дождей.

И после такой суматохи
На свежей поляне лесной
Подснежники –
 белые крохи –
Возникли, явились гурьбой...

21 апреля 2015 года

* * *

Над рекою струится дымок,
И на ветках сосульки-подвески...
От столичного мира далек,
Я живу среди снежного блеска.

На Тверской, на последнем пиру,
Я заплакал,
Навеки простился:
Ради песен на подвиг решился –
Обрести себя снова в бору.

Я в избушке живу у ручья.
Нет ларьков, казино и сберкассы;
Нет гостей, нет разбойничьей трассы.
Лес гармонией лечит меня.

Удивительно яркую грусть
Навевают зимою сугробы...
Одного в эту пору боюсь:
Вдруг вернуться на разгульные тропы.

27 декабря 2002 – 13 января 2003 годов

Слезы детей

Красотой спасется мир.

Ф. Достоевский

Есть в миру желанье Божье,
Что для сердца – дорожи.
Без ребенка невозможно
Озарение души.

Уберечь детей бы надо
• Всею планетой от беды.
Только нынче мир в разладе,
Он далек от Красоты.

Мир наживы –
как позорно! –

И от страха и вражды
Он старается упорно,
Чтоб не стало Красоты.

Он не ведает, как тонко
Небо чувствует обман.

Он не слышит:
дети звонко

Плачут за обиды мам.

Дети трепетны сердцами,
Ждут от взрослых чудных слов.
Их смятенье, боль, любовь
Нынче познаю стихами.

6–7 мая 2009 года

Сын природы

Генетику Н. В. Тимофееву-Ресовскому

Розово-туманное свечение,
Птицы замерзают на лету.
А тебя везут из заключенья
Под рогожей сотую версту.

Радостный и верный сын Природы,
Миновал ты в жизни семь смертей...
Над Россией веет непогода,
Много в тюрьмах славных сыновей.

Мир исканий.

Мир падений страшных.
Мир стоял на лезвии ножа.
Бабочку из рук своих отважно
Отпустил ты, верою дыша.

– Будет жить!

И будут жить березы!
Сил возьми, идущий,
у мечты.

Если в сердце выстраданы слезы,
Право есть на жизнь у Красоты.

Болен мир от атома и страха.
Что нас ожидает по судьбе?
Стебелек, родившийся для блага, –
Это лучший памятник Тебе.

Пещерный житель

Из сообщений прессы известно, что некоторые люди – в одиночку и кучно – решили переждать «конец света» в пещерах, в подземельях...

Звучит шекспировское слово:
«За человека страшно мне».
Он, человек, от страха снова
Торопится к пещерной мгле.

Принес в пещеру хлеба, свечки,
Две шубы теплых прихватил.
В пещере этой возле речки,
Видать, далекий предок жил.

Стал тотчас человек молиться.
Жестокой бури долго ждал.
«Ведь можно заново родиться, –
Из пепла дух святой восстал», –
В нем голос внутренний звучал.

Тот голос вкрадчивый и странный,
Вдруг человек стал понимать:
«А если я один останусь
В живых...

Вот будет благодать...»

Он возлюбил свою обитель.
Однажды слышит в полусне:
– Эй, выходи, пещерный житель!
Сияет солнце на Земле!

21 декабря 2012 года

Плач души

*Я проснулся потрясенный: слезы
буквально лились из моих глаз.*

Я проснулся от слез, потрясенный.
«Что за слезы?» – шептал я, дрожа.
Кто-то плакал во мне, как ребенок,
Понял я –

это плачет душа.

Видно, так настрадалась, родная,
Что терпению предел наступил.
О тебе я забыл, гулеваня,
Доброту твою часто губил.
И теперь ты меня омываешь.
Горячи они, слезы твои.
Неужели меня покидаешь,
Без своей оставляя любви?..

8 августа 2006 года

Позиция

Мои стихи – мое спасенье
От равнодушия, смиренья
Перед враждой и суетой,
Мои стихи, идите в бой!

Мои стихи – мое паренье,
Мое духовное боренье.
Бываю нищ, бываю слаб,
Но не ужился в сердце раб.

Знай, человек, твое спасенье –
В дороге самовосхожденья.

Через тучу – тученьку

*Через тучу – тученьку
Подай, миленок, рученьку...*

(Из народной частушки)

– Разве любишь, милый, ты,
Коли я в руках беды?
Через тучу – тученьку
Подай, миленок, рученьку...

– Отпусти меня, родня! –
Улечу к любимой я.
Через тучу – тученьку
Подам ей свою рученьку.

– Ты не видишь – сыплет град, –
Свояки мне говорят, –
Через эту тученьку
Не протянешь рученьку.

– Отпустите, мать, отец,
Я хочу с ней под венец!
Я возьму сквозь тученьку
Милую за рученьку.

– Не отпустим! Гром гремит.
Молния глаза слепит.
Через эту тученьку
Потеряешь рученьку.

– Не пугаюсь грома я,
Я лечу в ее края
Успокойся, тученька!
Вот и милой рученька.

– Здравствуй, верный мой дружок,
Прибыл ты в желанный срок.
Я целую рученьку
Через тучу – тученьку.

На пляже

Вокруг тела бочкообразны,
От них тоска и теснота.
И вдруг живой и яркой сказкой
Явилась пляжу Красота.

И, как ни странно, но за нею
Случайно оказался я.
Я тоже, видимо, полнею:
Иду, задумчивость тая.

Подняв глаза, я тихо ахнул:
Богиня в белом гордо шла.
Очарованием и страхом
Моя наполнилась душа:

А вдруг обидит кто случайно –
Немало светит глаз лихих.
И это снежное сиянье
Угаснет при очах моих?

Она шагала осторожно.
Хотелось броситься к ногам
И расстелить ковер дорожный:
«Идти мешает галька Вам...»

Одежда легкая в обтяжку
Подчеркивала прелесть ног.
Глаза от моря – нараспашку,
Качался стан, как стебелек.

И неуклюжие мужчины
Заволновались все окрест.
Один находчивый детина,
Лукаво щурясь, отдал честь.

Нас будто окатило валом
Ее нездешней красотой.
И празднично на сердце стало,
И понимал меня прибой.

Корешок России

*Канищеву Анатолию Семеновичу –
патриоту таежного края*

Никуда нам от сельских привычек не деться.
И тайгу нам с тобою покинуть нельзя.
От улыбки твоей захотелось мне в детство,
Пахнуть хвоей сосны, чешуею язя.

В пассажирском вагоне мы мчимся лесами.
Разговор наш течет, как в бору ручеек.
И Россия сейчас вся до капельки с нами,
Ибо ты ее вечно живой корешок.

Тихо радуюсь я, Анатолий Семеныч,
И веселости слов, и размаху души.
Говори же, прошу, Анатолий Семеныч,
Как живется тебе в комариной глуши.

«Содержу я хозяйство в надежде и справе.
И коровушек сам на зорянке дою.
Как ведется в дому –
ребятишек ораву
И своих, и чужих молоком напою.

Тракторист я, – ведет свою повесть Канищев, –
Эх, пашу,
как гуляю, по нашим полям!
И чего человек колобродит и ищет,
Так тоскует земля по надежным рукам!

Ой, как много еще бурелома на свете
И в лесах отдаленных, и в душах людей!
Так и видится мне
мать-земля на рассвете,
Будто в сказке, в обнове желанной своей».

И задумался ты, взгляд пронзительно синий,
Коренастый крепыш, не свалить тебя с ног.
Вот с такими, как ты, будет в славе Россия,
Ибо ты ее вечно живой корешок.

Могила Толстого

Обласкана трелями птичьими,
Могила на диво проста.
Здесь чувствует сердце величие,
Здесь в душу глядит высота.

От этого холмика скромного
Неотделим чуткий лес,
И горести мира огромного,
И страсти влюбленных сердец.

Здесь каются, просят прощенья,
И плачут светло про себя
Впервые от чувств вознесения,
Впервые покой возлюбя.

Для каждого стало обычаем –
Явиться с поклоном сюда,
Где чувствует сердце величие,
Где в душу глядит высота.

Исповедь ветерана чеченской войны

*Памяти Олега Васильевича Григорьева –
человека трагической судьбы*

Будь же Богом проклята на свете
Подлая чеченская война!
Правых нету, виноватых нету,
Бой ведет с собой моя страна.

Где вы, боевые генералы?
Что притихнул ваш победный глас?
Как и Ельцин, вы нас оставляли,
Только мы не предавали вас.

Снова бой идет за Ханкалою.
«Отступить!» – дает Москва приказ.
Нам бы надо воевать с Москвою:
Там врагов побольше в сотни раз.

Пуля-дура завтра на рассвете,
Чую, остановит жизнь мою.
Правых нету, виноватых нету,
Больше никого я не убью.

2002 год

Несправедливость

– Я протестую, протестую! Протестую! – бросал в лицо проржавевшему от несправедливости миру великий испанский поэт Федерико Гарсиа Лорка.

– Этот безумный, безумный, безумный мир... – слова знаменитого американского режиссера Стенли Крамера. Автор тоже заявляет, что мир людей, к сожалению, по-прежнему остается жестоким, продажным, несправедливым.

Несправедливость...

Она из пещеры

Однажды с дубинкой по миру пошла.

Не ведала жалости, совести, веры.

Окаменела в пещере душа.

Летели века.

Менялись державы,

И рушились троны владык и царей.

Несправедливость вилась возле славы

В богатых одеждах,

ханжа из ханжей.

Несправедливость чуралась идеи,

Которая к правде и братству звала.

Она заимела парадные двери,

Она и сегодня на лжи расцвела.

И страшно, когда на посты президентов

Все чаще приходят вруны и ханжи.

И толпы бездумные на континентах,

Погасли восторги и мысли души.

Что ждет нас?

Никто на планете не знает.

Повсюду измены, вражда и террор.

И к звездам поэт снова взгляд поднимает:

«Простите людей за вселенский позор».

1–4 декабря 2007 года

Осенний человек

Памяти поэта Геннадия Калабина

Когда в лицо – листва и дождик,
Порывистый и озорной, –
Понять поэта невозможно:
Он от избытка чувств хмельной.

Споет мотив любимый,
грезы
Придут к нему, само собой.
Всплкнет у старенькой березы,
Объят мгновенною тоской.
И вспомнит мать,
что чувством нежным
Зажгла в нем вечный огонек.

И не вина,
а неизбежность,
Что он остался одиноко.
О, как судьба его мотала
И по тайге, и по горам!

И вдохновение давала,
И водку, и кресты мечтам,
Известность искренним стихам.
Он возвращался в дом родимый
Умаянный,
но все же тот:
Душа по-прежнему ранима,
На помощь он всегда придет.

И в эту непогодь у хлева
Синичку раненую спас.
Он дома стопку для сугрева
Махнул – за маму, мол, святую,
И улыбнулся, и угас.

20–21 октября 2007 года

Признание россиянина

(ШУТКА)

*Хорошо иностранцу – он и дома
иностранец...*

Салтыков-Щедрин

– Слушай, гость-американец,
Мучаюсь вопросом я:
Ты и дома иностранец,
Вот что дивно для меня.
По-японски шпаришь бойко
На Бродвее, в офисе,
По-российски пьешь у стойки.
«Иностранец!» – скажут все.

Ради бизнеса, наживы
Ты планету обскакал.
Эх, разок тебя крапивой
Я б от сердца отстегал!
Ты б отличным парнем стал.
Что хохочешь, иностранец,
Ты не в парке при луне?

– От души признаюсь, Ваня,
За тебя неловко мне.
Да, конечно, я не в парке,
Где полно забав и драк.
Я у жизни – парень яркий.
Ну, а ты, где кавардак,
Ищешь истину, чудак.

– Если я такой уж странный,
Разгадай меня, пойми.
Я давно, американец,
Про твои наслышан дни.
Ты у нас теперь, как дома,
День и ночь деньгу гребешь.
При реформах непристойных
Припеваючи живешь.

Сколько ни думаю-гадаю,
Не равны мы по судьбе.
Жизнь вольготную познаю –
Буду подражать тебе,
Шиковать с размахом стану.
Как смекаешь, говори?

И сказал американец:
– Это скверно. Не дури.
Ничего не выйдет, Ваня.
Эта доля не твоя.
Я и дома – иностранец,
Потому богатый я.

Три залпа

Заснежена древняя площадь.
Здесь рота солдат при штыках.
И чует беду твоя лошадь
С безумной искринкой в глазах.

Лететь она травами хочет,
Ей дикая воля нужна...
Вы ждете восставших рабочих,
Их красная песня слышна.

И плещется горе в том пенье,
Голодные дети кричат...
Солдаты твои из деревни,
Они исподлобья глядят.

Все ближе мятежные люди,
Их надо уже усмирять.
Ты понял – солдаты не будут
В собратьев по духу стрелять.

Тебе, капитану и князю,
По чести –

нет хода назад.

Сомнения кончать надо сразу,
Чем быть на штыках у солдат.

И пуля готова в нагане
Покончить с собой навсегда...

Остался один ты у мамы –

И новая зреет беда...

«Но ради чего я погибну?!» –

Вдруг гневные мысли пришли.

И крикнул: «За веру обидно!

Три залпа в честь Господа... пли!»

И лица солдат посветлели.

Стреляли – как в Пасху весной.

Винтовки на снег полетели,

Настало братанье с толпой.

* * *

*...и потекли золотые удавы
от фонарей пристани...*

И. Бунин

В том порту вечереет,
и травы
И душисто, и лунно цветут.
В том порту золотые удавы
По дорожкам туманным текут.

В том порту и красивый, и стройный
Человек у прибоя стоит.
И, виденьем своим потрясенный,
За лучистое море глядит.

Ту – в рыданьях гармоник Россию –
Видит он сквозь года наяву:
Этот снег, и парящий, и синий,
Эти тройки, и эту Неву.

Видит берег до неба угрюмый,
Видит Пасху в сиянье весны...
Он, Иван Алексеевич Бунин,
До утра не уйдет от волны.

Один

Деревня лет военных,
Хромает мужичок.
Глядит он дерзновенно,
Для баб он нынче – бог.

Он, раненый на финской,
Негож для мировой.

Он – вроде обелиска,
Но царственно живой.

Единственный мужчина
Среди мальцов и вдов,
Среди старух старинных
И хмурых пареньков

Он у сельчан в почете.
Он – вроде мудреца.
Как ни крути, он – вроде
И брата, и отца,

Любовника, и мужа,
И стража по ночам.
А тем, кто занедужил,
Дрова привозит сам.

Встает он раньше Пети,
Горлана-петуха.
Спешит от Лизаветы:
Подальше от греха.

Мычат ему коровы,
И хряк бежит вослед.
На плечи взвалит снова
Мешок забот рассвет.

Порой он цепенеет,
Как вспомнит, что один...
И сам себя жалеет –
И раб, и господин.

* * *

Притворство женщин не от страха,
С притворством женщине легко.
Представьте, ей дала для блага
Природа это естество.

Притворство как самосохранность.
Тут жест природы так же прост,
Как ящериц спасает странность –
Дарить врагу на память хвост.

Попробуй сразу нараспашку –
Мужской угаснет интерес.
О нет, не повторит промашку
Она для радости повес.

Она замужнею предстанет,
Хотя сама, как дым, вольна.
Вдруг ни с того – сего устанет,
А то заявит, что больна.

И так притворством изматает,
И так измучает тебя,
Что сердце бедное устанет,
И говоришь: «Любовь моя...»

Мужчина, не держи обиду.
Лишь женщина подарит рай.
Притворство как самозащиту
И как улыбку принимай.

Дума у спиленного дерева

Запах свежеспиленного дерева,
Как ты душу растревожил мне!
Пахнет хвоей, горьковатой серою,
Каплями янтарными на пне.

Ветви, будто лапы глухариные,
Вписаны в брусничник навсегда.
Дерево, я с мудростью совиною
Для себя беру твои года.

Может, стану осторожным более,
Знаю,
я перед коварством слаб.
В странном мире за одним застольем
Пьют владыка, и поэт, и раб.

В странном мире лицемера жалкого
Люди часто носят на руках...
Было схоже дерево с гадалкою:
Взгляд искал чего-то в небесах.

Я и сам гляжу туда с надеждою,
Брата жду из дали голубой.
Взглядами лаская тучи вешние,
Слышу вновь –
сюда идут с пилой.

Утро Достоевского

Семеновский плац опоясан штыками,
Семеновский плац окольцован клинками.
И вдруг загремели кругом барабаны,
Суровых гвардейцев качнулись султаны.
И красное солнце взмахнуло крылами
Над ним, Достоевским,
и над палачами.
Надели уже на друзей балахоны.
Прощальные вздохи,
прощальные стоны.
Он в странном, нелепом стоит одеянье.
Отныне он станет поэтом страданья.
Он пережил вечности миг
перед смертью.
Он снова родился.
Теперь вы доверьте
Ему свои судьбы и горе, и думы
Все бедные люди России угрюмой.
Доверься, студент, и чиновник, и нищий,
И князь, по наличию совести, лишний.
Идут россияне:
Раскольников бледный,
Мечтатель спешит вдохновенный,
рассветный.
С Настасьей Филипповной,
гордой и бойкой,
Рогожин летит на игреневой тройке.
И братьев зовет Карамазов Алеша...
Россия идет исповедаться, Боже!
О судьбы людские –
сомнений лавины.
Увидел он тайные в душах глубины.
Сказал он:
«Я понял вчера поутру:
Есть в муках свободная воля к добру».

Если будет Россия...

Словно вдаль улетели сердечные песни,
Наблюдаю вокруг я душевную глушь.
Где, Россия, твои огневые оркестры?!
Заглушите же вопли и стоны кликуш!

Я сегодня от мира тревогу не прячу,
Вижу предков великих суровый укор.
Марш «Прощанье славянки» ликует и плачет
Над полками бесстрашных седых гренадер.

О Россия! Встречали народы Европы
И твоих гренадер, и гвардейцев твоих.
И рождалось желанное чувство свободы,
И хотелось любить этот мир за двоих.

Но познали мы нынче позор и обманы,
И кровавым дождем умывался рассвет.
Распахнулись от гнева душевные раны,
И прощенья за наши мучения нет!

Ветер времени снова зовет к возрожденью,
Штормовая волна много пены несет.
И горят чьи-то души от мук и смятенья,
Мать с убитым ребенком к закату идет.

В эти тяжкие дни и раздоров, и смуты
В нерушимость Отечества верится мне.
Если будет Россия,

запомните, люди,

Значит, будут и мир, и любовь на Земле.

1990 год

Дары заката

Закат – гениальный художник,
Искуснее мастера нет.
Он дарит последний, возможно,
Багряно-лиловый Тибет.

И Эльбрус чеканно и чисто,
Смотрите же, люди, горит.
И звездами море лучится,
И парус бессмертный летит.

Возносятся алые храмы,
От неба исходят творцы.
От этих видений таланты
Растут на Руси, как цветы.

7 сентября 2007 года

Сумерки марта

Ночь улетает.
И разве не жалко –
В разные дали уйдем?
В сумерках марта,
В сумерках марта
Кони стоят под окном.

Выйду туда, в голубое свечение,
На голубые пути.
Сумерки марта на удивленье
Могут, как травы, цвести.

Это с ветвей осыпается иней,
Это дыханье Весны.
Сотни подснежников матово-синих
В гривы коней вплетены.

Но отчего этот обволок дивный
Тает и тает в зрачках?
Видно, с зарей самолет реактивный
Шторы открыл в небесах.

Ночь улетает.
И разве не жалко
Нежного взмаха руки?
Сумерки марта,
Сумерки марта,
Ваши стихают шаги.

7 сентября 2007 года

Следопыт пришел

*На века кедровый лес
Нам подарен от небес.*

Мансийская поговорка

Бесшумный шаг,
 он осторожно
Вступает в незнакомый лес.
Он от рождения, возможно,
Разведчик для забытых мест.

Ведет тропу к кедровой куще
Через болота и ручьи.
Он чует –
 там угоды лучше,
Обнимет он мечты свои.

Открылись враз – до облак кроны,
Они цветут в лучах зари.
И смотрят очень удивленно
На следопыта глухари.

Здесь воевать ни с кем не надо,
Для следопыта бор – отрада.
А для иных эстрадный стан:
Пали, греми, гуляй, как пан.

У следопыта дух азарта
И созидания в крови.
Здесь будет дом, оленьи нарты
И праздник свой в кругу семьи.

27 января – 26 февраля 2014 года

Ради спасенья

*Патриарху российской литературы
Гранину Данилу Александровичу
в честь его высокого юбилея*

Пули летят надо мной в синеву
В мире жестоком.
Снова всех честных в атаку зову
Я над окопом.

Припев: Только ли я, только ли я
Нынче страдаю.
Где вы, друзья? Где вы, друзья?
Вас я теряю.

Снова я взгляд в небеса увожу.
Мир разобщенья,
Я твои козни рукой отвожу
Ради спасенья.

Верный мой друг, поспеши на грозу,
Выйди на кручу.
Помощь свою я тебе донесу
Даже сквозь тучу.

* * *

Прохлада цветущего лога,
Брусничкой усыпанный склон.
И в мир многоцветный, ей-богу,
Я словно ребенок влюблен.

Мне вдруг показалось, что завтра
Не будет поющих стволов,
Зеленой березовой арки,
Зовущей в объятия цветов.

Мне вдруг показалось, что завтра
Не будет полей и дорог,
Моя черноглазая Матра
Не выйдет ко мне на порог.

Не будет, не будет, не будет
Ни ветки,

лишь пепел и смерть.

Не верьте мне, добрые люди,
И ты мне, березка, не верь.

Да разве такое возможно –
Исчезнут навеки леса,
Когда мое сердце тревожно,
И ваши бунтуют сердца?!

Живите, деревья, у лога!
Цвети, мой оранжевый склон!
И в мир многоцветный, ей-богу,
Я словно ребенок влюблен.

Этот месяц любви

Тяжелеет брусника в борах,
И рябины на кручах пылают.
Ты глядишь на меня,
и в глазах
У тебя облака проплывают.

Словно факелы, кроны осин,
Тут излишни и слезы, и стоны.
Хорошо, я останусь один.
Успокойся, не кинусь в погоню.

Я беру твои руки в свои,
Виновато и молча лаская.
Вот и кончился месяц любви,
Улетел,
нас ни в чем не прощая.

Удивляюсь осенней поре:
Дождик гасит дурные напасти.
А порою при яркой заре
Вдруг рождаются шальные страсти.

Понимаю капризы твои
И твое в листопады смятенье.
Нет на свете фальшивой любви:
Есть порывы души,
есть паденье,
И над бездною снова паренье,
И последнее в жизни прощенье.

28–30 марта 2012 года

* * *

Когда метель в вечерних сумерках,
Когда бубенчики звенят,
Нет в мире края восхитительней –
Об этом ели говорят.

Они качаются с поклонами,
Благословляя путь саней:
«Удачи, путник, зачарованный
Метелью, лихостью коней».

Ему мила дорога дальняя,
Он волей покорит ее.
Мила до боли Русь мятежная
В певучей, синей полумгле.

Есть самолеты реактивные.
Да будет вечен санный путь
Для троек,
 чтобы люди вольные
Смогли душою отдохнуть.

Так мчитесь, тройки разудалые!
Россия, пой, гуляй, люби!
И если смерть принять придется нам,
То лишь в таком шальном пути.

25 мая 2009 года

* * *

Уходит в ночь вечерняя заря.
Ко мне спешат от горизонта тени.
Зачем пришел на праздник жизни я
Печальным, словно этот день осенний?

Я с детства был во власти синевы
И облаков, и перекаатов грома.
Понять старался разговор травы
И лиственниц языческих у дома.

И понял: я душою от небес.
И этой верой, друг мой, в жизни грейся.
А как же мой кедровый синий лес,
Услышит ли тогда позывы сердца?

Порой клянусь я свой клочок земли:
Пусти, сегодня надо быть мне в небе!
И слышу голос вспаханной земли:
– А там найдешь мою горбушку хлеба?

– Не знаю. Отпусти.

– Ну что ж, лети.

Мать по судьбе – от боли, от разлуки.

И на прощанье я припал к груди:
Благослови на подвиг и на муки!

2–3 ноября 2004 года

Притяжение небес

* * *

Ты снова далеко, звезда моя.
Что ищешь в звездном океане?
Иду на связь: «Земля зовет! Земля!..»
Я словно окликаю маму.

Земля не успокоится никак:
Вражда, смятения повсюду.
И кто же нынче самый главный враг
Скажите откровенно, люди?

Задумались, сомнения полны,
Ошибки признавать непросто.
На суд толпы не вынесешь вины,
Толпа свирепа даже на погосте.

Суди себя в семейной тишине,
Пока ребенок твой не плачет.
И свет звезды, сияющий в окне,
Еще сулит тебе удачу.

21 декабря 2011 года

Апрельский буран

Благословенным поэтам Севера

Закат багрян.

Жди непогоды.

И птицы в кедрачи летят.

В апрельской глуби небосвода

Таится снеговой заряд.

Он вымахнул из неба ярко –

Сияющих снежинок мгла.

Такого редкого подарка

Моя тайга с утра ждала.

Не стало зданий, улиц, леса,

Собаки, птицы – все молчит.

Живая снежная завеса

Слепит, кружится, веселит.

Он, к удивленью, стих внезапно,

Небесной силой осиян...

Поэт, нежданный и азартный,

Бывает в жизни – как буран.

17–22 апреля 2012 года

Черный ворон

Если бор кедровый дик,
Если он забыт и темен,
То сюда, как мрачный стих,
Прилетает черный ворон.

В чаще,
 где глухарки спят,
Он загадочно и глухо
Начинает свой обряд,
Как ворчливая старуха.

Он вещает, он кричит,
Он кому-то угрожает.
О грядущих бедах мнит.
Ой, как много ворон знает!

И нахмурится медведь,
Песню иволга стреножит,
Станут думать и глядеть,
Для чего он их тревожит?

Крон-н! – несется с высоты
Как удар, как заклинанье.
И предчувствием беды
Наполняется сознание.

Но когда костер зари
За рекой запылывает –
Ворон вздрагивает и...
Почему-то умолкает.

И верится мне

В грозу я видел кедров рощу,

Стояла рать – плечо к плечу,

Мне показалось:

кедры – войско,

У всех деревьев – по мечу.

У молний был, наверно, праздник –

Сияли даль и небеса.

Стояли грозно, нерушимо

Мои кедровые леса.

Был восхищен я силой древней

Стволов, глядящих в небосвод.

И мне поверилось, что небо

Свою им силу отдает.

26 января 2015 года

В Гималаях

*С трепетным поклоном великой семье
Рерихов – от Николая Константиновича
и Елены Ивановны – по наши дни.*

Не признают людей вершины гор,

Они общаются с богами.

Однажды Рерих руки к ним простер,

Обласканный на миг лучами.

Сперва чужой в загадочной стране,

Он слышал шепот грозных ликов:

«Орел сторает в нашей вышине,

Вам не познать наш дух великий».

Но вновь и вновь он приходил сюда,

В душе родился Долг терпенья.

Он рисовал с мечтой,
и высота
Явила первые виденья.
Лик неземной родился на скале –
Глаза – в себя и дума на челе.
А в полдень тень Учителя пришла,
Возликовала Рериха душа.
Он в Гималаях стал навек своим.
И мысли, как орел, парили,
Его под куполом святым
В Россию часто уносили.

3-11 марта 2012 года

Полночное цветенье

Зимний сад за окном моим, братцы.
Дни волшебные, видно, грядут.
Ветки елей и кедров стучатся,
Будто белые розы цветут.

Для души небеса подарили
Это звездное диво – снега.
Даже свечи мои засветили,
Чтоб сияли меха, жемчуга.

Не объять это царство подарков.
Их возьмет для веселья Весна.
В полночь небо распахнуто ярко,
В полночь все расцветают снега.

4 января 2015 года

К поэту Дмитрию Мизгулину

Мы встречались, мне кажется,
очень давно,
Мы встречались, наверно,
на Марсе во сне.
И не зря распахнул я сегодня окно:
Ты сойдешь с облаков,
постучишься ко мне.

И увижу я мир яркий, дерзкий, шальной.
Там летят паруса,
Космос ждет корабли.
Вихри жизни пройдя,
ты окрепнул душой,
Дни романтики нашей еще не ушли.

Я сегодня языческим миром живу,
Я нарочно на время туда улетел.
Я ласкаю деревья, ручьи и траву,
Первозданное чувство вернуть захотел...

Ты – веселый и шумный,
горжусь я тобой,
Ты навек породнился с югорской тайгой.
Но зовет тебя снова к себе окоем.
И когда же стихи мы друг другу прочтем?

Небесная встреча

*Памяти писательницы –
Маргариты Кузьминичны Анисимковой*

Теперь мы только понимаем,
Что ты, наш друг, навек ушла.
Узнали позже: в чудном крае
Нашла покой твоя душа.

В ту полночь Сириус печально
Горел, сиял, он ждал тебя.
Он общий друг наш –
самый дальний –
Хранитель тайн бытия.

О Господи, как пусто стало!
Мы не смогли тебя сберечь.
Была ты нашим запевалой,
Была душой желанных встреч.

Сияет Сириус.
Он знает
Все наши беды и мечты.
Тебя пророчески встречает,
Там обрела обитель ты.

Великие бессмертно живы,
За муки почести даны.
Души высокие порывы
В сиянье звезд отражены.

21 мая 2013 года

Сентябрь

*Старинному другу –
Сергею Викторовичу Филиппову*

У сентября особый нрав,
И гром его боится.
За лето от трудов устав,
Он далеко таится.

У сентября талант творца
Задумчиво-святого.
Взгляд удивленного лица
Он взял у Глазунова.

Над Обью тучи в сентябре
Возводят замки грозно.
Они багровы на заре,
А в полдень тают слезно.

Струится зарево рябин –
Восторг души осенней.
И снова журавлиный клин
Мне дарит вдохновенье.

Сгорает часть моей души –
И меньше в сердце страха.
И стану я в седой ночи
Любить, прощать и плакать.

1–12 сентября 2005 года

Час Быка

*Час Быка в Космосе заканчивается,
когда лошади укладываются перед утром
на землю. Это определение исходит
от монголов Центральной Азии.*

Сгорают в поднебесье облака,
И Космос дарит древний Час Быка.
Тогда ее сиятельство Луна,
Как друг, великодушия полна.

Луга огнем ее освещены.
Ваш час настал, лихие табуны.
Зовет нас на альпийский луг табун,
В цветастых травах растворился гул.

Здесь царство рыжих смелых кобылиц.
Лобзанье, ржанье, стоны, звонкий визг.
Игра в любовь у круч – безумный риск.
И вновь погони.
Словно море, луг.
Валы желаний, позабыт испуг.

Торопит Час Быка своих коней –
Сейчас неуправляемых детей.
Избавясь от огня былых страстей,
Бредут, шатаясь,
все, как у людей.

Ложатся кони, ноги под себя,
Небесный праздник в сердце затая.
Закончился разгульный Час Быка.
И – новые летят к нам облака.

7–17 октября 2013 года

* * *

Ночь говорила голосом ручья,
Звезды и камня, и дороги.
Был чувств необъяснимых полон я,
Как эти гулкие отроги.

Багульник, будто тлеющий костер.
Утес – горбатый Квазимодо
К восходу руки чуткие простер,
Зовя любовь – свою свободу.

Какую силу, власть душе ищу,
Окликнутой звездой весенней?
Я верностью Природе заплачу
За это светлое волнение.

Май, 1971 год. Забайкалье

Вечный голос

*Внизу летела земная ночь. И вдруг из этой
ночи сквозь толщу воздушного пространства...
донесся лай собаки...*

*Мне почудилось, что это голос нашей
Лайки. Попал он в эфир и навечно остался
спутником Земли.*

Из дневника космонавта Владислава Волкова

Земная ночь черна, как ворон.
Один поэт в ночи не спит.
Сюда заря придет не скоро.
Земля летит. Земля летит.

А космонавт над ней кружится,
Чтоб меньше стало зла и бед.
Он как оранжевая птица,
Которой в мире места нет.

И вдруг с космической орбиты
Он голос Лайки услышал.
В нем нотки слышались обиды,
Он словно к милосердью звал.

Земли родной он – спутник вечный,
Потерь и славы – крик живой...
Лечу, поэт, дорогой Млечной,
Чтоб голос услышать родной.

Август 2002 года

Лось и подснежник

Как облака по горизонту огневому,
Пугливо лось идет по насту голубому.

Червонным золотом горит сосны подножье,
И чей-то шепот: осторожно, осторожно.

Прядет ушами великан, рогами водит,
Нигде виновника тревоги не находит.

А на проталине, где чуть дымок дымится, –
Подснежник, он рогов сохатого боится.

Вздыхнул сохатый глубоко и облегченно,
Пошел, качая головою удивленно.

17 апреля 2007 года

Faint, illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the page.

Faint, illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the page.

* * *

Не дал мне Бог дурной замашки –
Мечтать о деньгах и чинах...
Летит тайгой моя упряжка,
Летит в заснеженных ветрах.
Горжусь,
 что я во всем свободен –
Строкой певучей и душой.
В своих порывах добрых
 волен,
Как волен звездный мир ночной.
Идите шагом, вороны,
Нам не грозит в ночи беда.
Сквозь ветви снежно-голубые
Горит зеленая звезда.
Нет ничего чудней на свете
Ночного бора и небес.
Звезда плакуче в душу светит,
И светит мне родимый лес.
Лучей небесных ходят тени,
Сияют купола вершин.
Мы со звездою
 в Вселенной
Одни сегодня говорим.

* * *

На небе Сириус лучится,
Плывет, как парусник морской.
И мне в ночи глухой не спится,
С ним говорю как друг земной.

К моей судьбе многострадальной
Неужто ты причастен, друг?
Плывешь торжественно, печально,
Свой завершаешь в небе круг.

Казалось бы, какое дело
Тебе до наших бед, вражды.
Но чувствую –
ты смотришь смело.

Меня питаешь волей ты.
И я встаю,
и ярким строчкам,
Рожденным от тебя,
дивлюсь.

Соединились в эти ночи
В душе
величие и грусть.

21–23 декабря 2012 года

* * *

От медной тучи –
импульсы беды.

Смотрите:
съежились берез листы.

Смотрите: листья ивы как спираль.

Уже багряно-красной стала даль.

Угрюмый ветер воет и свистит,

И пыль Земли,

и пыль небес летит.

И человек тревожно-робким стал:

Он перед бурей,

как песчинка, мал!

И вздрагивают в аэропорту

Сверхпрочными телами наши «ТУ».

Кажись, мгновенья жизни нам даны,

Потом мы будем бурей сметены.

В мгновенья эти стали мы равны –
От маршала
 до муравья страны.
Нет сил таких, чтоб бурю усмирить.
Она простит нас –
 значит, будем жить.

Разговор наедине

*В жизни мы часто слышим:
«Царствие ему небесное...» или
«Душа его давно в небесах»...»
Вдумаемся в это.*

Еще живу, еще страдаю
И за страну, и за людей.
Душою ясно понимаю:
Страданье –
 дань тревожных дней.

Снежок сегодня выпал ранний.
Не видно ворона, синиц.
И ночью не было зарниц.
В Природе есть свое страданье.

Мне из окна рукой подать
До кедров, елей –
 это чудо
Есть часть небесного уюта,
И это надо понимать.

Уж три часа заветных ночи, –
Час поэтической свечи.
Что нынче звезды напроорочат?
Что прилетит на стон души?

Здесь нет игры воображенья.
Горит души моей позыв.
И, видимо, придет мгновенье...
Я там незримо буду жив.

15 октября – 19 ноября 2014 года

Увертюра ночи

*Ночь – это время любви.
Ночь – это время трагедий.*

Соком фиолетовой черники
Август залил розовый закат.
Сразу стихли птиц шумливых крики.
Бор сосновый передышке рад.

Песня в горле иволги уснула.
Затаились звуки в дуплах крон.
Тихо, без веселого разгула,
Укатился гром
за окном.

И, сияя лунными очами,
В бор пришла Богиня темноты.
И от первой вспыхнувшей звезды
Говорим мы нежными словами.

И у солнца надо мной
Были белые ресницы.
Но, охвачен суетой,
Не прислушался я к птицам.

И на завтра грянул снег
На поля, на урожаи...
О тебе, мой человек,
Алых птиц рыдают стаи.

Ночлег

На пороге священного бора,
На опушке лесной я прилег,
С ветром ласковым вел разговоры.
Сторожил меня друг – костерок.

Уважая обычаи предков,
Мой ночлег от тропы в стороне,
Чтобы путник, сторожкий и редкий,
Уваженьем проникся ко мне.

Если зверь остановится чуткий,
Не посмеет ко мне подойти.
Сделав круг, опускаются утки
На озерные рядом пути.

Бор священный –
Родимые кедры,
С детства чту их величие, стать.
Я встречал с ними бури, рассветы.
Есть в душе моей их благодать.

Кедры рядом.
Обнявшись ветвями,
Смотрят в небо и в дали мои.
Я усну вместе с их голосами,
Я усну в колыбели хвои.

24 августа 2011 года

Полночная вьюга

Мой дом у леса.
Кедры, ели
Предчувствовали в ночь пургу.
Луна гляделась еле-еле
Во мгле, в желтеющем кругу.

Сначала ветер грянул с юга
Душистый, теплый, озорной.
И стал кружить.
Ночная вьюга
Раскрыла крылья над тайгой.

Я видел, как на Север мчались,
Вздымаясь, снежные валы;
Клочок Луны, блестя печально,
Как будто падал за стволы.

И в бесшабашном хороводе
Кружился лес

и вся земля.

И свист, и вой – до небосвода,
Не принимал сей хаос я.
Своя есть у Вселенной мера, –
Зачем природе ночь страдать!
В объятья принял бурю Север,
И ветер начал утихать.

27–28 марта 2013 года

Детства

МИЛЫЕ МГНОВЕНЬЯ

У дома поле конопли.
В нем утром бабушка хлопчет,
Мы с Ниной поле обошли,
Сестра коня увидеть хочет.

Игренька, наш любимый конь,
Белеет грива, он пасется.
К нему – нельзя,
Он – как огонь,
Взметнется, в поле унесется.

Двойняшки мы,
Рука в руке
Обходим милые владенья.
А бабушка невдалеке,
Следит за нами с умилением.

Амбар священный нас зовет,
Он грозен,
 он четвероногий.

И мама видит наш поход
У нашей столбовой дороги.
И жить бы так по воле Бога.

Но в мире сложном Зло метет,
Оно нас раскидало в дали...
На фоне зарева печали
Я продолжаю свой полет.

25 января – 5 февраля 2012 года

И сразу я задумчив стал.
Полет свой вещим я признал:
Не зря летают в поднебесье,
Хоты бы даже и во сне.

1 мая 2015 год

* * *

О, сколько выстраданных слов
В душе, о Боже!
Крик неродившихся стихов,
Крик неродившихся детей –
Одно и то же.

Вещий ворон

Удивительно: после каждой встречи с вороном, даже слыша только крик его, – у меня рождаются стихи. Верю в загадочные послылы этой птицы, прозванной в народе вещей.

В лесу зловеще темном
У ворона гнездо.
Никто не видит птицу,
Она зрит далеко.

Ель высится меж кедров,
Гнездо она хранит,
От бурь его спасает
И с птицей говорит.

Мощны у ели лапы,
Обзоры между них.
Округу видит ворон,
Он в это время тих.

Недалеко деревня,
Она невелика,
За речкой луговина
И свежие стога.

Вот показалась лошадь,
В телегу впряжена,
В руках девицы вожжи,
Сама обнажена.

С телеги ноги свесив,
Распахнута цветам,
Смеется небу, ели,
Сиреневым волнам.

Девица, наземь спрыгнув,
В ней радость бьет ключом,
Раскинув руки, в воду
Нырнула нагишом.

The bird is a crow
It is a crow
It is a crow
It is a crow

THE CROW

A crow was seen
In a tree
It was a crow
It was a crow
It was a crow
It was a crow
It was a crow
It was a crow
It was a crow
It was a crow

Плескалась, хохотала,
Все было нипочем.
Не видела: от стога
Отец шагал с кнутом.

Напрягся зоркий ворон:
Отец взмахнул кнутом,
И вырвалось у птицы
Магическое: крон-н!
Что значило – не тронь!

Крик ворона услышан
Биением сердец.
И застыдилась дочка,
И бросил кнут отец.

Над ними вещий ворон
Неспешно пролетел.
Отец девицы долго
Вослед ему глядел.

27 октября 2012 года

* * *

А при луне –
 как при свече,
И словно я причастен к тайне.
Ни звука в мудром кедраче,
Лишь веток слышится дыханье.
И на душе теплым-тепло.
Будь Лермонтов сейчас у лога,
Воскликнул бы он вновь светло:
«И в небесах я вижу Бога».

Березовая роща

*Светлой памяти
Юрия Александровича Бедерина*

Моя березовая роща
Горит в оранжевом огне.
Она, как факел, этой ночью
Тропинку освещает мне.

Иду в загадочном тумане,
Иду, осыпанный листвой,
Для равнодушных очень странный,
А для тревожных – вечно свой.

Моя березовая роща.
Душою понимаю сам,
Что я осенней звездной ночью
Всегда подвластен небесам.

Струится лунная дорога,
Звезду желанную видать.
Иду сейчас, наверно, к Богу,
В его юдоль и благодать.

Ночи стихов

Ночь воробьиного скока короче,
Так на Оби говорят.
Белые ночи, белые ночи,
Два горизонта горят.

Не угасает заката полоска,
Дремлет, мерцает заря.
Ворон на ели горбатой сторожко
Даль озирает, меня.

По-над рекою сижу восхищенно,
На покрасневшем яру,
Словно один я остался, влюбленный,
В этом трагичном миру.

Только природа дает вдохновенье,
Волны морей и лесов.
Светят знакомые звезды Вселенной,
Белые ночи стихов.

7 января 2015 года

И лес понимает меня

Мой голос звучит где-то в небе,
Но знаю, что недалеко.
И где б на природе я не был,
Я чую, я слышу его.

Болезни забрали мой голос.
Лес дарит мне думу свою:
«Смотри, как старается колос,
Он перенял песню твою.
Рябина мотив твой осенний
Поет, как сестренка, светясь».
И лес улыбнулся влюбленно,
И я осмотрелся неволью
На поле, на небо, на лес.

Мне надобно жить только здесь!
Мне душу ласкает виденье:
В ладу деревенском селенье –
Дома, молодые поля.
Чтут люди задор и веселье,
И лес понимает меня.

11 января 2012 года

«Если любит – то услышит,
Заново погладит
И глаза, и лоб, и уши,
Пепельные пряди».

Погибает в ярких красках,
В тайнах, в муках Тума.
«Шлю позывы не напрасно,
Если я любима.

Превращусь я в воздух синий,
В луч живой и млечный,
Над Землею, над Россией
Буду жить я вечно».

29 мая – 2 июня 2003 года

* * *

Ради новых сомнений живу,
Я на голос отвечаю вещей
Ради новой росы на траву,
Ради нового взгляда на вещи.

Потому улететь не боюсь
На орбиты космических высей.
В бесконечности той повторюсь
Благородными генами мыслей.

* * *

*Слияние Человека с Природой,
о котором мечтал Достоевский,
есть одна из главных основ
будущей жизни.*

Автор

И долго буду я не спать,
В себе тая земные муки,
Слова с небес
для сердца звать,
Невольню простирая руки.

Обряд знакомый –
В нем наив
И вера дивная ребенка.
Но потому и говорлив
Ручей,
принявший сердца стоны.

И потому мой кедр цветет
Возле отеческой дороги.
Соединились наши токи –
Его всевидящих ветвей,
Души отзывчивой моей.

И верит звездный небосвод –
Сюда гармония придет.

2–4 декабря 2010 года

* * *

К звезде одинокой смятенно
Я чуткие руки простер.
Горит на виду у Вселенной
Мой тихий таежный костер.

Вот так же на дальней планете
Дорожный горит огонек.
И некто при синем рассвете
Услышать мечту мою смог.

Он видит в глубоком смятенье –
Сквозь толщу родимых небес –
Ночное земное свеченье
И мой растревоженный лес.

При нас вековая разлука:
При нем и, конечно, при мне.
И, мысленно видя друг друга,
Мы скорбно стоим в тишине.

Предчувствие

Дружески Леониду Бабанину

Сияет озеро в лазури,
Мальки снуют у камыша.
Кулик-сорока чует бурю,
Тревожится его душа.

Спешит рыбак к зеленой сети
Достать сырка, достать язя.
Засушливое нынче лето,
И потому спешит гроза.

И тучи мчатся, тучи мчатся.
Их гонит благо, но и зло.
Птенцы еще всю резвятся,
Еще не встали на крыло.
Вскипает вал,
И гром грохочет,
Спасенье в гуще камыша.
Кулик птенцов спасает ночью,
От молний яростных дрожа...

Придет под вечер эта буря,
Кулик предчувствует ее.
Пока же он –
 в лучах лазури
Святого озера Нумто.

30 января 2013 года

* * *

Три заснеженные ели
Смотрят день и ночь в окно.
Черный ворон пролетает,
Знает –
 я живу давно.

И опять, меня увидев,
Сделал резкий поворот.
Удивительно и странно:
Счет какой-то свой ведет.

Ночью звездный мир распахнут,
Он волнует, он зовет.
Неужели ворон знает,
Мой предчувствует отлет?

Ах, как Сириус играет!
Вспышки яркие видны.
Все мои земные чувства
Для него обнажены.

3 февраля 2013 года, 4 часа ночи

Небесная связь

С небом связь ему необходима.
Он – поэт, печальная душа.
Кедру-другу дали обозримы,
При луне он светит, как свеча.

Судьбы кедра и поэта схожи:
Нараспашку перед небом жить.
В этих днях жестоких и тревожных
Бабочку готовы защитить.

Каждый путник здесь покой находит,
Для раздумья благостный простор.
Небосклон подскажет им погоду,
Детство напоеет ветвей шатер.

Для поэта тут отдохновенье.
Наступает тот редчайший миг:
Дарят руки теплые Вселенной,
Как дитя, новорожденный стих.

3 июля 2012 года

Прощение

Мы трудно живем от наветов.
Но вижу те очи твои,
Когда георгины рассвета
Тебе я дарил по любви.

Жила ты у тетушки Анны.
Резные ворота и ставни,
И озера Найтура вал
Тебя по утрам целовал.

Уехал я в город учиться,
Уехала к матери ты.
И письма – крылатые птицы –
Дарили нам наши мечты.

Расстались с тобою мы странно,
Ну, словно шутя разошлись.
Недолгими были страданья,
Деньки мои вскачь понеслись.

Ах, эти случайные встречи!
От звезд отучают они.
Ошибками горькими мечен,
Терял я волшебные дни.

Но помнил твои именины,
Цвела ты в плену георгинов,
С вершины шального веселья
Я крикнул: «Спаси! Помоги!»

Мне небо всегда помогало –
Мой голос слышала ты.
И вот мы стоим на причале,
В руках твоих снова цветы.

Ты смотришь немного смущенно,
Ты, видно, жалеешь меня.
Но чувствуешь взгляд мой влюбленный,
Прощение чувствую я.

29 декабря 2012 – 17 января 2013 года

Звуки неба

Ветер небесный принес звуки вальса,
Словно цветы, расцвели облака.
Этому чуду, мой друг, улыбайся,
Звуки небес нас волнуют века.

Звуки несут меня в стан Ленинграда,
Где в омутах – как живая Нева.
Слышатся вальсы, они – как отрада,
Как вдохновенные в жизни слова.

Звуки несут, и Дунайские волны
Очарованья и неги полны.
Если мы любим –
вниманья достойны:
Девушки наши
и юноши – мы.

Ах, как задорно вальсирует Вена!
Сердце ликует. Но слышится зов.
Это зовет беспокойная Сена,
Я для объятий Парижа готов.

Слышатся в небе весенние струны,
Птицы летят на луга Иртыша.
Звуки небесные неповторимы,
И потому молодеет душа.

14–15 апреля 2015 года

* * *

Сосны расцвечены бликами,
Солнечно в поле души.
Музыка нежная, тихая,
Где родилась ты, скажи?

Сосны как скрипки певучие,
Облака тает дымок.
Песней нездешнею мучает
Путника
Ветер-смычок.

Радость я чувствую вечную...
Если устану от бед,
Музыку тихую, нежную,
Ты подари мне, рассвет.

* * *

Я жил тобой, звезда востока,
Я так тобою дорожил!
Когда печаль, когда забота,
Я взгляда твоего молил.
И ты всходила – луч далекий –
Над синим кедром, надо мной.
Я верил в радости дороги,
Я жил вселенной, жил тобой.
Язычник я – седой и грешный,
Опять у розовых небес
Прошу тебя, мой друг нездешний,
Утешь меня, утешь мой лес.
Взмахнула ты крылами лета,
Летишь ко мне, мой верный друг.

Но ярким заревом рассвета
Все небо осветилось вдруг.
Сгорела ты, песчинка неба,
А я тебя зову, зову.
Темно в глазах. Я слепну, слепну,
Я горько падаю в траву.

Полнолуние

Золотой, ласкающий и чистый
Лунный свет приманивал, дрожал.
И горы рисунок серебристый
В этом мире злата утопал.

Грянуло впервые озаренье –
Страх перед Луною ощутил.
И свое недетское волнение
Я в душе глубоко затаил.

Ой, Луна,
Наверно, злата много
В тайных кладовых горы твоей?
Если к ним откроешь ты дорогу,
Испытаешь беды от людей.

27 июля – 5 августа 2011 года

В желтые ночи

Черные ночи
Были
Да сплыли.
Зарева хочет
Лунного филин.

Филя в печали,
Жутко хохочет.
Вот и настали
Желтые ночи.

Желтые кросна¹
Небо имеет.
Желтые сосны
Сказочной Феи.

Лунное диво
Стелет поземка,
Филин игриво
Ухает громко.

Каждому звуку
Небо внимает.
Филин подругу
В дом приглашает.

Филин наряжен
В лунном сиянье
И очень важен
В желтом кафтане.

Филя в страданье:
Где же подруга?
На ожиданье
Грянула вьюга.

¹ Кросна – ткацкий станок.

В чашу увала
Он исчезает.
И от печали
Тихо рыдает.

Март 2004 – март 2005 года

Я чувствую небо

*Человеку необходимо
иметь свое чувство неба.
Оно дает ему озарение,
целеустремленное восприятие
мироустройства.*

Лежал я в детстве на яру,
Глядел, волнуясь, в синеву.
Там, высоко, орел парил,
Он явно с небом говорил.

К нему я волю устремил,
Он место в небе уступил.
Звезду узрел я в синеве,
Увидел муравья в траве.

Соединило небо нас:
Звезду, плывущую на связь,
Орла парящего, меня
И следопыта-муравья.

Вдали расцвел зари овал –
И небосвод запылал.
Я обнимаю тех людей,
Кто принял в душу дар лучей.

20 октября 2011 года

Ночной кедровник

Кедровник темно-сер, как порох,
Свой у него и нрав, и свод.
И всюду шорох, шорох, шорох,
В лаптях из хвои Страх идет.

Для нас, сидящих на поляне
Невдалеке от кедрача,
Мелькнет в ветвях
 зарницей Тайна,
Как высверк лезвия меча.

Мы замираем в сладкой дрожи,
Явленья этой тайны ждем.
Сейчас на предков мы похожи,
Впервые услыхавших Гром.

А в кедраче живо движенье
Зелено-желтых огоньков:
То вновь погаснут на мгновенье,
То вспыхнут углями костров.

Мы взгляда отвести не можем
От хоровода тех огней.
Мы чувствуем горячей кожей
Священнодействие ветвей.

Зарница странная с востока
Над кедрачом, светясь, прошла.
И встали мы в молчанье строгом,
К покою позвала душа.

Осенняя элегия

Тебя надолго, озеро, покину –
Прохладный бело-дымчатый песок
И этот яр,
 и глухариный иней,
Что на березы желтые прилег.

Вокруг меня летающие листья –
Отчаянно-потешный хоровод –
То плавают, то прыгают по-лисьи,
То закрывают в пляске небосвод.

Наверно, зрят угрозы снежной бури
И... буйствуют, ликуют и поют.
Сосновый бор, печально брови хмурая,
Целует нежно голову мою.

Он понимает:
 за свое страданье
Я слишком цену звонкую плачу.
Гляжу на сосны, волны на прощанье,
Я, может, завтра в небо улечу.

* * *

*С тобою я привык мечтать,
С тобою, ясною звездою...*

Из народной песни

Ночами трепетны леса,
Струится облак нега.
Встаю я ночью в три часа
Для звезд зеленых неба.

И в этой россыпи одна
По-матерински светит.
Я знаю –
дарит мне она
Единственное лето.

Как это лето сохранить
для нежности и блага,
Чтоб стали памятными дни,
И чтоб жила отвага?
С мечтою этой я страдал.
Но где б на свете не был,
Я думал о тебе, звезда,
Твое сияло лето.

Однажды зов услышал твой:
Чтоб не было промашек,
Возьми любви – воды живой
У солнца и ромашек,

Тогда родится Бог в душе,
Он – твой спаситель лета.
Я на ромашковой меже
Открыл в себе поэта.

Прошу, звезда,
 в ночи свети,
Моя мечта с тобою.
И наполняется в пути
Моя душа любовью.

Красные камни

Как будто красные лисицы,
Лежат с прищуром на восход.
И удивленно кипарисы
Глядят на них который год.
Они из огненной метели
В дымящийся рассвет пришли.
От страха сразу онемели,
Остался в камнях крик души.
Ходили горы в танце страшном,
В пожаре пурпурных зарниц,
То поднимались в небо важно,
То уходили с ревом вниз.
Однажды гул огня и грома
Родил горячий красный дождь...
Уютно в парке, словно дома,
Сюда ты будто в Храм идешь.
Природы сотворенье свято,
Кругом далекой бури след:
Земля багрово-красновата,
И камни сеют красный свет.
Мы нынче знаем их рожденье,
Откуда к нам они пришли.
Смотри в ночи камней свеченье –
Окаменевший крик души.

*1995. Кисловодск,
санаторий «Красные камни»*

Веселый дождь

Веселый, буйный, многоцветный
Нагрязнул дождь,

как сто цыган.

В пожаре роз плясали ветры,

Небесный грохотал орган.

И озарялись грозно скалы

То красным, то седым огнем.

И в странном ритме трепетали

Каштаны под густым дождем.

Смеялись люди, убегая,

Дождем застигнуты врасплох.

За Эльбрус тучу отправляя,

Смеялся вместе с ними Бог.

1996. Кисловодск

Однажды это случится

Звезды, звезды несут исцеленье

И душе, и течению рек!

Почему же томится в сомненьях

О небесных делах человек?

Вот стоит он полночной порою,

Звезд восторженных в небе полно.

Треволнения вместе с мечтою

Охватили его существо...

И однажды на луг приземлились

Два лучистых с небес корабля.

И высокие дверцы открылись,

Вышли некто, улыбки тая,

Притих простор,
и только реют звуки.

Внимает им зеленый город мой.

И словно чьи-то ласковые руки

Меня возносят к туче грозовой.

Две радуги веселого июля

Пьют торопливо воду Иртыша.

И понял я –

еще не отлюбила

Весь этот мир пленительный душа.

Еще мне плавать у холмов лесистых,

И подниматься буду в небеса.

Еще не раз в лугах Ханты-Мансийска

Меня приветит теплая гроза.

Явление дамы

Поэту Марине Александровой

Дух мороза вошел с этой дамой –

Запах свежих снегов и хвои.

За окном в серебристом тумане

Хлопотали ее снегири.

Говорила и нас удивляла

Взглядом карих сияющих глаз.

Понял я, как ее не хватало

В этом скучном застолье у нас.

Дед Мороз наряжал ее, что ли:

Шубка беличья, шарф и кисы,

Цвета беж ее платье от воли,

От просторов сосны и лисы.

У трюмо оглядела прическу
И невольно рукой провела
По своей фиолетовой брошке,
Мимоходом коснувшись бедра.

Улыбнулась, собою довольна,
Принимайте, мол, я хороша.
Я глядел на нее восхищенно,
И моя трепетала душа.

17 января 2010 года

Взаимосвязь

Все звуки мира тянутся ко мне.
Я слышу –
 треснул камень на Луне.
На Марсе,
 где когда-то жизнь цвела,
Сегодня буря рыжая прошла.
И стало душно сердцу –
 и во сне
Увидел крокодила на сосне.
Однажды ночью гром меня позвал.
По озеру ходил сердитый вал.
И молнии кричали на меня.
Сгорел амбар шайтанский –
 понял я.
Назавтра дом отцовский запылал,
На пепелище молча я стоял.
Не уберег амбар –
 пришла беда.
Да будет новая в миру изба!
Теперь читаю свято молний вязь.
Как велика, тонка взаимосвязь
Деревьев, звезд, священного жилья!
Она и есть основа бытия.

И появляется чудо

В Кисловодске есть поляна
На орлиной высоте,
Дарит людям обаянье,
Приобщает к красоте.

Если ты смурной и хворый,
По тропинке ввысь иди.
Не откроют сразу горы
Тайны своего пути.

Поначалу страх познаешь,
И бредешь, на всех сердит.
Но душою понимаешь:
До поры в нас трусость спит.

А тропа все выше, круче,
Жгут сомнения в груди:
Эх, читал бы книгу лучше!
Но душа велит – иди.

И взошел я на поляну,
Оглянулся, боже мой! –
Эльбрус в этой чуткой рани –
Словно воин огневой:

Шлем горит, броня кольчуги
Вся сияет от зари.
Принимай природы чудо,
Восхищайся и смотри.

31 марта – 1 апреля 2013 года

Мелодия августа

Фиолетовый клевер медов.
Почему-то боится он темени,
И поэтому ночью готов
Раствориться в движении времени.

Хочет звуками иволги стать
И звучать серебристо с березоньки,
И не станет прохожий пинать
Стебелек ароматный и тоненький.

Августовская ночка темна,
Словно омут бездонный, пугающий.
Осветила с улыбкой луна
Фиолетовый клевер мерцающий.

Я нагнулся, погладил его,
Дрожь цветка под рукою растаяла.
Он вздохнул облегченно, легко,
Будто ветка проснулась усталая.

Эта ночь улыбается мне,
Словно друг долгожданный, приветливый.
Я сегодня увижу во сне
Возле ивы цветок фиолетовый.

Гармония утра

Над камышами желтые туманы.
Оранжевые блики на воде.
Я прихожу сюда утрами рано,
Чтоб поклониться здешней красоте.

Я не один живу сейчас восторгом.
Смотри: глухарь сидит, разинув клюв.
Не шелохнется,
 околдован зорькой,
Шлют лебеди признание: клу-клу-клу.
Ты ходишь возле паруса, у лодки,
Меж нами есть волнующая связь.
С твоею и улыбкой, и походкой
Гармония рассвета родилась.

Сегодня мы распахнуты Вселенной –
И небесам, и желтым камышам.
И жить бы нам в любви и удивленьи,
Но кто-то злой готовит ссору нам.

* * *

Как зелена сегодня луговина!
И парус бел, и ласкова волна.
Она уже кувшинки напоила,
Она уже, как я, душой вольна.

Я уплыву далеко, луговина,
На поиск бухты Веры и Любви.
Ни в чем, как мать, поверь, ты не повинна,
Меня зовут, зовут мечты мои.

Горят пути за мною, луговина.
Крепчает ветер, мачту накреня,
Ты вспоминай, прошу, утрами сына,
Ты вспоминай печального меня.

МЕЧТАТЕЛЬ

*Именно мечтатели соединяют прошлое с будущим.
Они и есть вдохновители людей к жизни.*

Над Мойкой голубой туман
И голубые нити капель.
По этим нитям к облакам
Хотел подняться наш Мечтатель.
Он улыбается лучам.
Спас на Крови пред ним сияет.
Твоей судьбе, великий Храм,
Мечтатель горе предрекает.
Мечтатель видит сквозь века
И войны, и кошмар блокады...
Но снова в радугах река,
И куполов паренье свято.

О, нити вечности земной!
Они сроднились с облаками,
И души гениев с лучами
Благословляют нас с тобой.
Мечтатель, вижу я тебя
При свете благотворных молний.
Ты, ликом в дали устремленный,
Идешь, мечты для нас тая.

К озеру

Всевышний тебя обожает,
Давно бережет для людей.
Береза над яром сияет
Парчовой одеждой своей.

Озерные воды и в мае,
И осенью словно в цвету.
Торопятся певчие стаи
Увидеть твою красоту.

И прежде, чем кануть в берлогу,
Осмотрит медведь с высоты
И волны, и птичьи дороги,
Чтоб снились цветастые сны.

Я сам наполняюсь пареньем
У этих живых берегов
От музыки и вдохновенья
Крылатых берез и валов.

* * *

Другу Александру Пачганову

Прохлада дороги ночной.
Какая в ней тайна таится?
Прохлада над тихой сосной
Оранжевым светом струится.

Краснел окоем за рекой.
Овеян ночью прохладой,
Стоял я один под сосной,
Под сводом вселенского сада.

Я был вышиной осиян,
Я власть познавал вдохновенья.
Небесного воздуха Храм
Терялся в глубинах Вселенной.

Лаская рукою сосну,
Я думал: как странно, о Боже,
Ты жизнь подарил мне одну,
Но миг этот жизни дороже.

* * *

Когда позыв звезды небесной
Касается моей души,
Не нахожу себе я места
Ни дома, ни в цветах межи.

И вот, предчувствуя спасенье
От непонятной маеты,
Стою в ночи,
 жду появленья
Своей загадочной звезды.

Ничуть, поверьте, не гадаю –
Она, а может, не она?
Звезду я сердцем ощущаю,
Она ко мне устремлена.

Звезда приходит в час желанный,
К ней тянется моя рука,
И заживает в сердце рана,
Уходит лютая тоска.

Звезда, свети мне в час тревоги,
Не забывай края мои,
Я буду знать,
 что ты от Бога,
От высшей веры и любви.

Ночь ущелья

*Человек должен в своей жизни, мне
думается, испытать на себе великие
явления Природы: моря, гор, степи, тайги...*

Цветастые камни ущелья
Тревожат, волнуют,
хоть плачь.

В расселинах живы поверья,
Их знает старик-карагач.

Меняются краски на скалах
От ветра, от странной луны.
Вот скалы лиловыми стали,
А по верху бледно-красны.

Светила пылают. И звуки
Цвета обретают на миг.
И ворона черные крики
Затмили мой радужный вскрик.

Озноб по спине прокатился –
От злобы заплакал шакал.
И звук этот красным светился,
В тумане ущелья пропал.

Вдруг всадник на миг появился,
Исчезнул в ущелье гонец.
Он словно из мифа родился,
Летит с ним тревожная весть.

Предутренний ветер отважно
Нахлынул с морской стороны.
И стало душисто и влажно,
И сполохи ярко видны.

Край неба горящим казался,
Расцвел на глазах карагач.
И всадник обратно промчался,
Светился огнем его плащ.

2-4 января 2009 года

Стою один я у окна (романс)

Стою. На небе звезд сиянье.
Душа любовью осиянна.
Стою один я у окна
Виденьем даль озарена.

Отцовский дом вдруг возникает,
В моих глазах снежинкой тает.
И я молчу.

Как смутно милых лиц виденье.
В руке свеча – мое горенье,
Я им свечу.

Они идут, как тени, тайны.
Услышать мне бы голос мамы.
Но... тишина.

Мерцают звезды в мирозданье,
Шепчу им нежно: «До свиданья».
Стою один я у окна.

**Возвращение
великое
есть**

В сиреневых ночах

Я снова в городе священном.
Нева как будто в омутах,
Вода кружится вдохновенно,
Рождая ярость на валах.
Был праздник Флота.
Два оркестра
Играли вальсы, полонез...
Летали чайки против ветра:
Имели в этом интерес.
В Адмиралтейском сквере людно,
На волнах – грозные суда.
Сегодня с ними всем уютно,
Живи, российская мечта –
Союз меча, серпа, пера!
Не ради праздника приехал
Я в просвещенный град веков.
В моей душе проснулось эхо
Имен великих, милых строф
И – зов поэзии, рожденной
В ее сиреневых ночах.
Ее вниманьем окрыленный
На Невском, в залах и садах,
Спешил я.
Дороги мгновенья,
Подаренные мне судьбой.
Здесь Пушкин, Лермонтов, Есенин
Как будто ждали встреч со мной.
С небес мне лики их светились,
Стремилась к ним душа моя,
Поэтов тут всегда любили,
Поэты – свечи бытия.

9–12 августа 2012 года.

С.-Петербург – Ханты-Мансийск

Ода цветущим яблоням

Большие снежно-пенные шары!
Так яблони цветут в Ханты-Мансийске,
Когда гляжу я в дол их
С той горы
Священной,
Мне по-матерински близкой.
Летит к цветенью срочно махаон,
Спешит пчела,
А с нею шмель гудящий.
Стоит над яблонями сладкий стон –
Природы голос, матери кормящей.
Шары цветов лелеют палисад,
Их мало, этих милых палисадов.
Нам кажется, что яблони парят,
Но улетать им, Господи, не надо.
Земля за корни крепко держит их,
Ей яблонь красота необходима.
Цветут.
И каждый лепесток как стих,
Смотреть на них я поднимаю сына.

Возвращенье

Мы давно в кедраче не бывали.
Там, к суровой коре прислонясь,
Воздух,
 цвета отточенной стали,
Пили,
 в небо цветное молясь.

Значит, мы вдохновенными были,
Значит, строки горели в груди,
Горе нам:

 нынче мы позабыли
Те наивно-святые пути.

Мы пришли, чтобы силы набраться
У деревьев священных, у птиц,
Чтобы снова в ночи просыпаться
От загадочных вспышек зарниц.

От ошибок и моды бездумной,
От наживы, где козни и месть,
К позабытым дорогам, к раздумью
Возвращенье великое есть.

6 ноября 2011 года

Вершины кедров

*Великому художнику Югры
Геннадию Райшеву*

Над ними пролетают «МИГи»,
Им слышен шепот звезд ночных.
Вершины кедров – словно лики
Бывалых земляков моих.
На фоне неба –
 три короны
Трех вековых богатырей.
Один глядит на мир влюбленно,
Второй печален за людей,
А третий весел, как кипрей.
Вот этот великан плечистый
От молний одиноким стал.
Им любовался в день лучистый
Отважный воин, князь Самар¹.
Стоят раскидисто, вальяжно
Семь крепышей вокруг ручья.
Качаются вершины важно,
Грамматику тайги тая.
Познай ее ты по вершинам –
Восторг, тревогу, гнев ветвей.
Живи, кедровник мой старинный!
Дивлюсь я мудрости твоей.

¹ Князь Самар – хантыйский князь, погибший в бою с отрядом Ермака.

Утренний парус

Своенравна Конда у Силавы¹.
На крутом повороте река
Две сосны уронила на травы,
Расширяя свои берега.

Даже лиственль волнами свалила,
Рыжий яр потрясла до основ.
И гордилась весеннею силой,
И несла себя в пене валов.

Зацветали луга, вербы, сосны,
И Конда величавой была.
И однажды под радугой росной
В путь далекий меня позвала.

Белый парус у ней был в запасе,
Он служил на почтовом баркасе.

Для меня этот утренний парус
Был посланцем загадочных сил.
Делал он остановку у яра.
Где я в домике маленьком жил.

И однажды в рассветном тумане –
Плавал лес в розоватом дыму, –
Я покинул деревню и маму.
Горько было тогда одному...

Нележки вы, житейские драмы!
И не раз на развилках дорог
Вспоминал я печальную маму,
Нашу бабушку с ношей тревог.

В трудный час возникал белый парус –
Рядом Лермонтов, дивный поэт, –
И родная избушка над яром –
Ничего чудотворней их нет.

27–28 мая 2014 года

¹ Силава – селенье на Конде.

Письмо в Сибирь

Андрей, ты, который сидишь в заснеженной деревянной избушке далекого северного города и пишешь или созерцаешь, а кружевной блеск манит тебя сквозь ледяные узоры на окне твоём по снежному пути, – видишь ли из золотисто-узорчатого своего окна странников пустынь, воющих под снежной вьюгой, которые ищут свое прошлое и будущее в недосягаемых далях и падают перед чужим порогом, когда все их надежды тают?..

Друг наш, поэт, кого я давно не видела: ты, певец тихих песен, настоящий европеец и азиат, с маленькими прищуренными вогульскими глазами, родившийся в таежном поселке для благоговейных ночей, для звенящих волшебных утр, ты, убежавший от пламени костра, когда жизнь была в дыму, когда улетели и птицы, – остались там только обугленные ветки деревьев, как идолы, осталась только хижина жрецов – волшебников из сказочного мира твоего детства – сейчас, когда ветры разнесли и ее стены, как носишь на хрупких своих плечах уцелевший миг древней мечты, доверие, унижение, воспоминание, надежду, волю, которые крепят тяжесть тысячелетий?..

Приходилось ли тебе видеть с тех пор масляно-коричневые воды Оби там, где она сливается с золотисто-сияющим Иртышом?

Была ночь, я стояла на корабле рядом с тобой, и мы чуть слышно пели, а убегающие берега вздыхали так, как отшумевшая жизнь, как невозвратно улетевший миг, пусть даже самый красивый, который должен быть вечным...

Кто приходит над нефтяными морями и чувствует своими ступнями и сердцем своим пульс нефтяных жил этой строгой земли?

Кто тот, который достает сокровища из-под корней деревьев в тайге, чтобы дни стали светлее, чтобы спасти людей от холода, спасти народы от обреченности, чтобы они стали смелее перед своим родом?

Андрей! Человек, улыбающийся в бурях, в поединке огня и льда, – кроток и мудр. Ты никогда не покидал свой народ, очищенный болью. Придешь ли когда-нибудь к нам в птичий рай, принесешь ли нам мечтающие в снегах леса, мерзнущие на холоде бледно-кудрявые узоры, веселые болотные ягоды, прекрасную повесть о возобновившейся человеческой жизни?

Беде Анна

Письмо в Венгрию

Беде Анне, венгерскому поэту

И прочел я письмо твое, Анна,
Не письмо –
а поэму прочел.

И, как прежде на тропах урмана,
Для борения силы обрел.

Знаки рода сегодня открою,
Род идет от седых журавлей¹.
Потому перелетной порою
Славят птицы моих сыновей.

Я прошу тебя, Анна, в просторы,
Где мой предок, суровый Тархан²,
С небесами имел разговоры,
Посвящал свои думы борам.

Я зову тебя, Анна, в кедровник,
Здесь родился под кронами я.
И несла меня мать на ладонях,
И баюкали ветры меня.

¹ Стерх – по легенде, седой журавль. Поседел от жестокости людей (*прим. автора*).

² Тархан – мансийский князь, предводитель рода Седых журавлей.

Гремели пушки неустанно.
Штыки сверкали, кивера.
И вдалеке все глуше, плавно
Стихало русское ура...
Живя на острове Елены,
Не покорился он судьбе.
Он рвался в бой,
Взывал к Вселенной,
Остался верен он себе.

27 января 2011 года

Лиственница Меншикова

*По легенде, Меншиков любил сидеть,
мечтать у лиственницы, посаженной
им на высоком берегу Сосьвы.*

Я прикасаюсь взглядом к ветке,
Я думой в дали улетел...
Была под деревом беседка,
Тут часто Меншиков сидел.

Глаза его огнем пылали,
Он видел, видел, как в бреду:
Петра, себя, друзей, бокалы
И ту нежданную беду.

Вздыхал.
Усталою рукою
Ласкал он, словно друга, ствол.
Потом походкою былою
В свою обитель гордо шел.

В часы надежд исповедально
Он думы дереву вверял.
И рубцевались в сердце раны,
Он от мучений прозревал.

Признался он себе однажды –
Низвергнутый с вершины бог:
«Достоин уваженья каждый,
Кто в беды честь свою сберег».

Общежитие

*Общежитие студентов-северян
в Ленинграде на улице Желябова
в конце 50-х и в начале 60-х годов
стало воистину легендарным. Отсюда
в то время вышли родоначальники
национальных литератур Крайнего
Севера и Дальнего Востока.*

О, это общежитие у Мойки,
Где каждый третий – истинный поэт!
Где по-солдатски заправляют койки,
Где строфами приветствуют рассвет.

Есенин, Блок...

Как будто с нами вместе

Живут,

законам жизни вопреки.

Их строки –

их взволнованные песни

На мандолине дарит нам Санги.

И словно с нами выступает Пушкин –
На вечерах он каждый раз звучит, –
Стихи читает Алитет Немтушкин,
Эвенкский удивительный пиит.

Мы – дети жизни трудной, неумемной,
Но... чуем град и зрим звезды полет.
Рытхэу, обаятельный и скромный,
В чукотскую ярангу нас зовет.
Он бережет свой род.
Людей так мало,
Поддержку неба надо бы иметь...

И потому, наверное, Шесталов
Мечтает нынче в Космос улететь.
«Спасенье всех – в космическом сознанье!» –
Взывает Юван с берегов Невы.
Не слышит он таежников признание:
«Ты в чуме день хотя бы поживи...»
Друзей-поэтов свято чту решение –
С народом быть всегда в родном краю.
Ледков уехал к тундровым оленям,
И Лебедев – в Якутию свою...

Я помню Вырицу –
Наш лагерь летний,
Стихи и мандолину, и костер,
Поэтов небывалое соцветье –
От Ревды и до Сахалинских гор.

Той ночью белой
Озеро белело
От звездного сиянья, от цветов.
Мы улыбались жизни, песни пели,
Стихи читали только про любовь.

Он вдруг улыбнулся.
Он принял решение
И дверь распахнул кулаком.
– Орлы мои! Славит народ воскресенье.
И мы в своем поле гульнем!

Рванули гармони вовсю гармонисты,
И грянула песню орда.
И снова от этих крестьян голосистых
Качалась России судьба.

В священном кедровнике

*Вечной памяти
брата – младенца Вани*

Иду я невинный, святой
Тропинкою теплой и рыжей.
И кто-то парит надо мной,
Хотя никого я не вижу.

Я чувствую – кто-то парит,
И голову гладит порою.
Да это же древо шумит
И веткой играет со мною.
Вот шишка упала к ногам,
Она голубичного цвета.
В ней спелый орех, как бальзам,
Как сила кедрового лета.

И чей это голос звучит,
Иду я, едва его слыша.
В кедровнике этом лежит
Мой маленький братик Ванюша.

И вдруг озарило меня:
Да это же он опекает,
Он кружит, незримо ласкает
Меня –
я же луч бытия.

19 февраля 2015 года

Прощанье февраля

Вчера февраль прощался с нами,
В лесу пронесся легкий гул,
Как будто ветер с облаками
Вспугнули там коней табун.

И закачались важно ели,
Плечами кедры повели.
Но птицы спрятаться успели,
Буран предвидели они.

И закружило, засвистело,
Таежник удалюю объят.
Ах, тройки неба!

Дико, смело
Они, буранные, летят.

И на земле везде гулянье –
Звон колокольный, песни, смех.
Идет вселенское прощанье,
И кружится, танцует снег.

14–18 марта 2013 год

Праведный¹

Анна Беде, поэт Венгрии

Мороз. Коченеют летящие птицы.
И стонут, трещат деревья.
Он, Праведный, ночью на помощь стремится,
И месяц за ним серебристо струится,
А в сердце – святые слова.

Он, Праведный, словно космический житель:
Горячие очи, уверенный шаг.
Он всех успокоит, кто нынче в обиде,
Видна ему белки пугливой обитель
И стая волков, присмиривший вожак.

Он, Праведный, в белой и прочной одежде.
Он путника встретил, устал человек.
Согрел его Праведный словом, надеждой, –
Воспрянул душой человек тот, как прежде.
И стало уютней чуть-чуть на Земле.

Он, Праведный, чувствует неба позывы.
Взволнованно, трепетно слово его,
Оно, как таежный ручей, терпеливо.
И он, человек, стал мудрее, пытливей,
И смотрит он в небо сегодня легко.

30–31 октября 2013 года

¹ Перевод с венгерского подстрочника на русский язык
Андрея Тарханова.

Гуманоид дед Егор

*Истинному таежнику –
Петру Николаевичу Филатову*

Пятьдесят последнего размера
У порога валенки стоят.
Страх наводят на любого зверя,
Глухари в испуге вдаль летят.

Если в этих валенках зимою
Дед Егор
Выходит на простор,
И качает снежной головою,
Восхищаясь великаном, бор.

Воздух
скрипом валенок расколот,
След метровый – от носка до пят.
Ходит здесь страшила-гуманоид, –
Стар и мал в округе говорят.

А один ученый из Свердловска
След Егора годы изучал.
И по этой теме –
очень броской –
Восемь диссертаций написал.

Он идет – наш гуманоид века,
Делая громадные шаги.
Он во всем похож на человека.
Валенки вот... больно велики.

1988 год

Задумчивая река

Дома стояли на яру,
Как те солдаты на смотру.
Сияло солнце и шалфей
От лиц улыбчивых людей.

Река с названьем странным Ах
Бежала, видимо, от гуннов,
Тая перед ордою страх
В таежных водах многострунных.

Спасаясь от орды в лесах,
Она звала в такие дали,
Где манси мифы сочиняли
С хитринкой в ласковых глазах.

Река задумчивая Ах,
Ты нас восторгу научила,
Когда нас в бурю возносила,
И мы кричали в лодке: «Ах!...»

Как много миновало лет!
Деревни нет. И я стал сед.
Но ты живи ради полей,
Река былых счастливых дней.

1–5 октября 2014 года

Впервые

Я впервые сижу в ресторане,
Воздух душный от злых папирос.
Я студент.

Удивленно и пьяно
В правду жизни вернулся из грез.
Обнаженные плечи волнуют,
Дамы, видно, спустились с небес...
Почему их прилюдно целуют
Эти наглые губы повес?
Мне обидно,
за что – непонятно,
Воспылавшей душе молодой.
Этот зал поразили внезапно
Звуки скрипки небесной тоской.
Оглянулся – увидел скрипачку:
Как в огне ее шапка волос,
Голубая по глазу повязка,
Брови летные, греческий нос.
Не цыганка и не россиянка –
Я почувствовал это душой.
Видно, в детстве была полонянкой,
Потому и владеет тоской.
Сам не ведал,
как слезы катились,
Захотелось мне встать и запеть,
Чтобы губы ее улыбнулись,
Чтоб в объятьях ее замереть.

Ночь моря

Такая ночь бывает в жизни раз:
Душистое ромашковое море,
И лунный свет качается для нас,
И кажется, что мы в цветущем поле.

Ты убежала догонять волну
Оранжевого северо-востока.
Не надо было оставлять одну,
Не уплывай, любимая, далеко.

Искрится небо – лунный звездопад.
А может, море шлет свои позывы?
Они между собою говорят,
Познаем речь их –
станем мы счастливы.

На шепот перешла твоя волна,
Она тебя, конечно, полюбила.
Стоишь ты перед ней, обнажена,
Ты силой красоты ее смирила.

Уже лиловый свет повел игру
С малиновым и желто-серебристым.
Запела флейта звонко на молу,
И ты накрылась заревом лучистым.

ЯНВАРСКАЯ РАПСОДИЯ

С неба сыплется снежное кружево,
По-январски погода свежа.
Усыпила Зима беса вьюжного,
Спит священного бора душа.

И тропинки искристые, беличьи
Ночь в покои свои увела.
И луна смотрит нежно, по-девичьи,
Сказку леса она родила.

Закурился парок над берлогою,
Соболь прыгнул в простор из дупла.
Сказка –

Юча¹ моя синеокая
По вершинам деревьев пошла.

¹ Юча (манс.) – по мифологии народа манси – это юная фея, хозяйка тайги.

О доброте

Главное для творца – быть добрым.

Бетховен

Одного таланта мало.
Прока нет без доброты.
Нам ее недоставало
Вечно в годы маеты.

Доброта родилась, видно,
В тот лохматый, дикий век.
Золотой закат увидел
Озаренно человек.

Удивился он узорам
Пролетавших облаков:
«Ой, пещера! Наши горы!
Мы сидим возле костров...»

Удивлялся, восхищался,
Как ребенок хохотал.
«Как я дик!» – себе признался,
И потом в раздумье впал.

Стал он вдруг добрее дома,
Много мяса дал жене.
Ночью он при звуках грома
Каялся в своей вине:

Был в семье жестоким часто,
И не чувствовал вины.
Нынче, стоит нам признаться,
Мы пред совестью грешны.

Что случилось, люди, с нами?
Почему душа молчит?
Почему она утрами
Равнодушно в небо зрит?

Глянул я в седые дали –
Пушкин к милости зовет.
Потому в него стреляли,
Что любил его народ.

Чехов, Лев Толстой и Гоголь
Чем прославили себя?
Взяли доброту у Бога,
Всю Вселенную любя.

4 октября 2011 года

Бабушка

*Памяти бабушки Матры – Матрены
Александровны Тархановой*

Ты одна в этой тихой и скорбной избе,
Одинока по самой жестокой судьбе.
Сын погиб на Карельском в 43-ем году.
Братья пали в боях в Сталинградском аду.
Внуки учатся.
Сына дыхание тая,
Ты живешь, будто память под крышей жилья.
На сноху не в обиде, она далеко.
Расставание с ней.

Как озвучить его?!

«Тут все корни...

и буду я здесь помирать...» –

Прошептала ты,

слезы пытаюсь унять...

И однажды увидели поле, изба,

Как ушла ты от них,

и с тобою Судьба.

Получив извещение, приехали мы,
Опоздав из-за грозных метелей зимы.
Знай, за детство и ласку навеки любя,
Мы по-прежнему слышим и видим тебя.

Ай да ночка!

*Однажды по особому случаю
я один ночевал в заимке.*

По таежному веленью
Мне друзья нашли привал.
В глухомани у речушки
Я в заимке ночевал.

Здесь свежо и пахнет смолкой.
Как в раю, блаженно спи.
Где-то в полночь слышу, волки
В дверь стучат, мол, выходи.

Я нашелся: вспомнил имя
Следопыта-силача.
– Уходите! Я живу здесь
По веленью Кузьмича.

Волки стихли, снова взвыли:
Речь моя до них дошла.
Через три минуты шумно
Волки дали стрекача.

Но решили злые силы
Испытать мою судьбу:
Видно, рысь трубу закрыла,
Дым пошел в мою избу.

Я закашлялся, но крикнул:
– Эй вы, черти! С крыши прочь!
Едет мой Кузьмич-спаситель,
Едет на «Буране» в ночь.

Кто-то спрыгнул с крыши лихо
И вернул мне тишину.
Печь мелодию выводит
Про Дунайскую волну.

Спать пора бы. Шалый ветер
Вдруг забежал у избы.
Буря стонет и хохочет,
Буря хочет мне беды.

Крик совы вернул мне бодрость,
Унывать в тайге нельзя.
И сквозь сон веселый голос
Кузьмича услышал я.

23 февраля 2015 года

Утреннее чувство

*...он ведь был язычником:
для него все в мире было благом...*

Джон Голсуорси. «Портрет»

Я стою на тропе, ярко-рыжей
От кедровой хвои, от зари.
От свеченья волшебного свыше
Наполняюсь восторгом любви.

И уже я иду просветленно –
Как язычник – по воле лучей.

Доброту мою зрит неумно,
Не боится меня муравей.

Дружит он с мухомором и деревом,
По стволу поднимается ввысь,
Следом мысленно я тороплюсь...
Нитям связи кедровника с небом,
Как ребенок, я снова дивлюсь...

1 июня 2012 года

* * *

*Я восходил на все вершины,
Смотрел в иные небеса.*

А. Блок

Стоял у страшной бездны я,
К себе укор и боль тая.
Стоял бесстрашно на краю.
И вдруг я каперс¹ увидел,
Он под камнями стонал
И помощи, как видно, ждал.

И я камень раскидал.
Спасенный каперс мне кивнул,
И я услышал странный гул.
Разверзлась неба синева,

Ко мне обращены слова
С вершин, сияющих в снегах,
Таящих молнии в лучах:
– Постой подольше на краю –
И станешь жизнь ценить свою.

¹ Каперс – южное растение, стелющееся по земле.

* * *

*В день смерти Ю. В. Андропова я увидел
на утренней пустынной улице в Тюмени
рыдающего мужчину. Он кричал в небо:
«Я плачу! Человек погиб!»
Он напоминал юродивого.*

Да здравствует юродивый! Кричи, вещун:
Наш царь еще неопытный, летами юн.
Кричи о том боярине, что глаз косит,
О Федоре, который на костре молчит.

Ты бей, ты бей, юродивый, в набат души:
– Эй, на Петра Великого зла не держи!
Он гривы наши темные мечом сечет,
Из подпола Россию на солнце зовет.

Ой, трудно просыпаемся! Ой, мочи нет!..
Упал на снег юродивый, как смертник сед.
Чугунная верига дышать не дает,
И кровь – ручей прощальный –
из горла идет...

Юродивых не стало.

Зачем они нам.

Без их набата верим

чужим слезам.

Но иногда мы правду боимся сказать.

Тогда легко в нас труса и раба узнать.

Воскрес бы тот юродивый – и закричал:

– Я ради вас за правду на снега упал!

1984 год

Прости меня, мама

Пятый день не могу улететь к тебе, мама.
Нет бензина. Стоят наши «Аннушки». Грусть.
Я сегодня напьюсь – стану глупым и пьяным,
А иначе, наверно, в порту застрелюсь.

Больно видеть, как Русь,
 мама,
 недруги гробят.
С первых дней революции предали нас.
Мы живем в комнатухах бараков
 до гроба.

Но без песен не можем,
 пускаемся в пляс.

Эх, с таким-то народом –
 душевным и сильным –
Можно нашу Отчизну в сады превратить!
Но по воле предателей гибнет Россия,
Только мы не устали Россию любить.

Мама, ради Отчизны на свете вы жили.
Ваше знамя хотелось бы выше поднять...
Я к тебе прилетел.
 Но тебя схоронили.

Ты прости.
Не успел тебя поцеловать.

1993 год

На яру

*В деревне Карагаево, где прошло мое
детство, жила традиция: парни
и девчата весной и летом вечерами
вели хороводы на яру нашей реки.*

В песнях наших – томленье сердец.
Пели пылко, с восторгом, красиво.
Слушал их мой задумчивый лес,
Посылая к светилам поэмы.

В хороводах и страсть, и задор,
И душа отдана на закланье.
Гармонист-весельчак Никанор
С белой ночью ведет расставанье.

Звуки вальса достигли небес,
О любви говорили мы смело.
От волнения наших сердец
Небосвод стал оранжево-белым.

В свете новой зари шли домой,
Палисады цветами встречали.
Мы сегодня гордились собой,
Мы сегодня влюбленными стали.

14–17 февраля 2012 года

У развалин крепости

Мэру города Тамань Г. Г. Майкову

Когда-то во славу России
Здесь грозная крепость была.
Простор необъятный и синий
Она от врагов берегла.

В ней Лермонтов был с подорожной.
Сейчас он у кручи стоит.
С любовью, с печалью тревожной
На Север туманный глядит.

Сегодня, надеждой хранимый,
Я тоже на Север гляжу.
По-прежнему верю любимой,
Как Лермонтов, ночью грущу.

Я нынче не в поисках бури,
Я нынче бегу от себя.
Россия в раздорах и хмури,
Вокруг изменяют друзья.

Мы гибнем покорно, без веры,
Все слышится реже: люблю.
А Лермонтов смотрит на Север
И думает думу свою.

Старинный тракт

Сто лет назад здесь шел торговый,
Шумливый и опасный тракт.
И слышал этот лес кедровый
Лихие песни, свист и мат.
Через Тобольск везли с Востока
В соболий край шелка, хурму,
Наряды для красавиц строгих,
Тазы из меди, ружья, хну...
Он, тракт, петлял рекой, лесами,
Бежал болотами порой.
Возы сопровождал ночами
Казачий сабельный конвой.
Купцы крикливые спешили
Сбыть до распутицы товар.
И были лошади, как в мыле,
Валил от бедных белый пар.
Случалось, здесь
 оленьи нарты
Людей спасали от беды,
Когда взбухали в теплом марте
Болота от шальной воды.
И приходилось гатить топи:
Всегда с собою топоры.
Изведал тракт немало скорби,
Тому свидетели боры.
Да и сейчас на сердце жутко,
Когда увидишь черепа
Позеленевшие,
 как будто
Распорядилась так Судьба.
Где тракт шумел, звенел, смеялся,
Сегодня тишина стоит.
Лишь ворон с трактом не расстался,
Он на тропу его глядит.

1998 год

Предсказанье

Порою колокол гудит –
Единственный на колокольне.
Он словно будущее зрит,
Ему за бездуховность больно.

За тех в окрестных деревнях,
Чья жизнь течет бездумно, пьяно,
В пустых и мелких грешных днях,
Словно окутанных туманом.

К монастырю дороги нет.
Здесь три войны прошло сквозь стены.
И воздух пропитался тленом
И стонами жестоких бед.

Но колокол надеждой жив:
Придет к заблудшим вознесенье,
И воскресят они творенье
Минувших лет,
как древний миф...

В одеждах белых монастырь.
Всевышний силе Духа внемлет,
На подвиг, осеняя Землю:
«Спасетесь светом Доброты».

12–14 июля 2005 года

Материнские сосны

*Памяти великой Матери –
Людмиле Ефимовне Яковлевой*

Тоскуют кондинские сосны,
Качаясь над яром седым.
Им снятся капризные весны
И тот,
кто навеки любим.

Они мою душу растили –
Волненье и песню мою –
И нежно, как сына, любили
В буранном и хвойном краю.

Но парус однажды явился,
Я ночью отправился в путь.
Вы спали,
и я не простился,
Успел, как на маму, взглянуть.

Сегодня от вас я далеко.
И часто я вижу во сне,
Как вы с материнской тревогой
Склоняетесь тихо ко мне.

1986 год

Взаимопонимание

*Ивану и Валерию Китайкиным
и светлой памяти их отца –
Ивана Никитовича*

Угодие братьев Китайкиных
Достойно вниманья людей,
Имеет огромное озеро
Тяжелых цветных карасей.

Венцом чудотворного озера
Является остров жилой –
Здесь банька, движок электрический
И домик с печною трубой.

Навек эти дали таежные
Остались в душе, в голове, –
Три речки питают царь-озеро,
Охранник – орел в синеве.

И сказка тайги продолжается
На том берегу, где кедрач.
Живут там медведи-философы,
Искатели щедрых удач.

Вот снова сидят и любятя
На сети, на плеск карасей.
И лапами машут, и щурятся,
И ждут они добрых людей.

Как раньше бывало: Никитович
Ведет с ними свой разговор:
«Опять появились, нахлебники...»
Медведям знаком сей укор.

Зевают – с упреком согласные,
Раздельно подходят к воде.
Летят караси золотистые –
Основа к медвежьей еде.

Бросает Иван их размашисто
С колданки, и меру блюдет,
Устойчива лодка таежника,
Она из-под ног не уйдет.

Иван говорил на прощание,
Провяза¹ подняв тетеву:
«Чтоб сами не трогали!

Поняли?!

А то я вам уши нарву...»

Сегодня здесь – братья Китайкины,
Традиции живы отца.
Судачат медведи у озера,
И любит родная земля,
Как прежде, умельца, творца.

9–11 ноября 2012 года

¹ Провяз – большая рыболовная сеть на крупную рыбу.

Дорога в поля

Та дорога в поля сохранилась,
Словно память ее берегут,
Чтоб в округе земля возродилась,
Чтобы люди работали тут.

Помнит Ёндаков Фрол воскресенье –
Поднимается пар над землей.
Он идет по дороге весенней
В синекрылой рубахе своей.

Улыбаются возле дороги
Зеленя, зеленя, зеленя...
Улыбнитесь и вы, люди Бога,
Сберегите поля и меня.

Был он первым в селе полеводом, –
И за это имел ордена.
Но явились недобрые годы,
Оскудела его сторона,

Нет машин,
Все поля опустели,
Но у Фрола задумка своя:
И в грозу, и в жару, и в метели
Ходит он по дороге в поля.

И торит посошком он дорогу,
Пусть послужит для новых полей.
И по воле печального Бога
Фрол взывает к терпенью людей.

2002 год

Пожар

*В 1984 году в поселке Мортка
Кондинского района случился сильный
пожар. Начальство сбежало, оставив
поселок во власти огненной стихии.*

Мы порой расстилаем ковры для бахвальства.
Ну, а дела коснись, то ошибка, то брак...
По две шубы надев, удирает начальство.
– Да куда ж вы?! – кричит бензопильщик-чудак.

А поселок горит.
Занялась пилорама.
Жаркий ветер слезу вышибает из глаз.
– Наша школа в дыму!
Стойте, папочка, мама! –
Крик из розовой «Нивы» взлетел и погас.

Уезжайте! Сегодня без вас обойдется
Терпеливый, до срока покорный народ.
Все равно в этом гвалте и пекле найдется
Тот,
 который навстречу беде позовет.

Кто-то трактор повел на горящие кедры,
Их тесня от построек к болотной воде.
Это были те самые первые метры,
Те, которые путь преградили беде.

А на завтра начальство вернулось в поселок.
Были стены и крыши еще горячи.
И спросила отца
 дочь у рухнувшей школы:
– Почему ты сбежал?
И в ответ:
– Замолчи.

Игреновые кони

Гусарский полк.
Игреновые кони.
Цветы,
Пленительные крики дам.
От зависти – мужчин цивильных стоны,
Оркестра залихватский ураган.

Игреновая тройка.
Незнакомка.
Глаза ее –
Любви взыгравшей – месть.
Умчалась тройка.
Вдаль зовет поземка.
И ставь на беззаботной жизни крест.

Ах, кони белогривые России,
Летающие в пургу,
В огонь зари!
У них и взяли эти кони силу.
Они летят,
Восторженно-свои.

8–9 декабря 2004 года

Тютчев

*Самая ночная душа
в русской поэзии Тютчев.*

А. Блок

Идет в ночи июльской Тютчев
Среди полей, среди цветов.
К нему деревья тянут сучья,
Показывая царство сов.

Сколько страсти во мне!

Сколько силы и воли!

Это чувство погони,

восторг от него.

И пускай у соперника лучшие кони,

Но покуда ему до меня далеко...

Ой, как много годков миновало,

друг Толька,

С той погони,

с той милой счастливой поры!

И другие мальчишки на утренней зорьке

Разжигают в ночи голубые костры.

Если сердце взгрустнет,

если сердце застонет,

Гляну в небо –

в минувшее бы воспарить!

И проснется в душе моей чувство погони,

И скажу я себе:

Надо жить! Надо жить!

* * *

Другу Косте Яковлеву

Лиловы лики скифов грозных

На фоне грозových зарниц.

От этих ликов мне тревожно,

От каменно-угрюмых лиц.

Плыву я пушкинской дорогой

Из Феодосии в Гурзуф.

В оранжевом огне отроги

И розово мерцает туф.

Сквозь даль я вижу бриг военный...

Был вечер.

Небосвод сиял.

И молодой, и вдохновенный

Поэт на палубе стоял.

Глядел восторженно Раевский,

Его движения тихи.

Поэт читал Вселенной песни –

Свои волшебные стихи.

И море приутихло странно,

И распахнулись небеса.

И скифы – вековые камни –

Открыли слезные глаза.

Они на миг глаза открыли

При свете огненных вершин.

Те слезы навсегда застыли

В канавах каменных морщин.

Плыву я памятной дорогой.

Здесь берег и суров, и крут.

Здесь скифы – каменные боги –

Явленья пушкинского ждут.

* * *

Сквозь дождь пламенеют рябины,

Горит мой рябиновый край,

Справляя мои именины,

Тоске говорю я: прощай.

Дорога боренья в рябинах.

Пора мне долги возвращать.

Упал на колени повинно:

Умейте же, люди, прощать.

Сейчас постоянно купаюсь,
Сельчанам своим улыбаюсь.
За это порой оскорбляют,
Меня чудаком называют.
Может, я и вправду чудака? Скажи, поэт?

Скажу я словами пророка:
Чудака – это истина Бога.
Уйдя от людской укоризны,
Живи, брат, по-своему в жизни.
Детство все-таки нашло тебя. Обними его.

1987 год

Воспоминанье в Пасхальную ночь

*Поэты не рождаются случайно.
Они летят с небесной высоты...*

Игорь Тальков

Мы, посланники Бога на свете,
Безымянные ищем пути.
Потому и счастливым поэта
Никогда на Земле не найти.

Вот бреду я в тумане метельном
К очагу,
где мой дом – огонек.
Ни души.

Только вздохи Вселенной.
Только звезды.

И я – малышок.

Я иду, пятиклассник, шажками,
Воля Божья ведет и ведет.
Почему я один?

Нету мамы.

Старший брат гулеванит и пьет.

И пришел я, озябший, к порогу,
И упал,
от бессилья дрожа.

Но уже по велению Бога
Оклемалась, воспряла душа.

Много раз, и страдая, и маясь,
Шел я в жизни на свой огонек.
И уже умирал, задыхаясь,
Но... всегда выручал меня Бог.

2002 год

Признание поэта

Да, я – муж
и я ребенок

По возвышенной Судьбе.

И, наверное, с пеленок

Предназначен был тебе.

Про меня тебе твердили –

Не от мира, мол, сего.

Все поэты горько жили,

Но летали высоко...

Ой, со мною примешь лиха!

Я из мира бедолаг.

Будут долгими разлуки,

Я покою вечный враг.

Буду пьяным, грустным, грешным,
От метели нашей снежным,
И от вдохновенья нежным.

Но свиданья день чудесный
Краток.

Милая, прости!
Снова слышу звон небесный,
Там... цветут мои пути.

2001 год

Орда

Сметает орда все живое,
Все в прах на кровавом пути.
Ни вправо, ни влево, ни в небо
От этой орды не уйти.
Горят человеки и грады,
Озера и горы горят.
Бежит от погони Маруся,
С ребенком, и в платье до пят.
И плачет:

«Спасите нас, люди!»
Но нет ни людей, ни мышей.
Церквушка вдали забелела,
И ноги помчались быстрее.

Ни писка, ни шороха в церкви.
Один седовласый монах,
Недвижимы тело и очи:
В гранит превратившийся прах.

Не разгадать нам взгляд ребенка,
Он не для нас,

он далеко.

Но Некто, чувствующий тонко,
Не мог не уловить его.

И понял –

вновь родился гений.

И озарил его испуг:

Ведь этот гений,

вне сомнений,

Не вынесет душевных мук

В стране людских страстей и горя,

В стране, мятежной по судьбе.

И этот Некто в небе горнем

Взял Колю ангелом к себе.

22–25 июля 2007 года

* * *

Тоне – на память о Карадаге

Утро бойкое, словно отвага.

И, познавший в миру красоту, –
Камень с кручи святой Карадага
Я несу – как подарок – Христу.

Осыпается круча, как траверс¹.

Я шагаю по краю во сне,
И один-одинешенький каперс
Простирает ручонки ко мне.

¹ Траверс – насыпь в окопе для защиты от флангового огня.

Ради песен и стихов

После друга может быть только Бог...

Слова композитора Михаила Довганича

После истинного друга
Выше может только Бог.
Друг пойдет на жертвы, муки,
Даст совет на семь дорог!¹

Свято чтим наказ Вселенной –
Жить для песен и стихов.
Чтобы люди непременно
Уловили к ним любовь.

Я страдаю,
ты хлопчешь,
Выручаешь, друг, меня.
И опять в седые ночи
Духом слова крепну я.

От беды одно спасенье –
Вера в друга, в свой талант.
Каждый день для вдохновенья
По судьбе подарен нам.

11–14 января 2009 года

¹ По языческому поверью, человеку от неба дается семь дорог. И человеку нужно избрать верную дорогу.

В Тамани

Мэру города Г. Г. Майкову

У кручи бурного залива
Поэт задумчиво стоял.
Темнели туч седые гривы,
И закипал девятый вал.

Но чей-то парус с упоением
С той стороны спешил сюда,
Поэт всегда любил боренье,
И в том, видать, его беда.

Тамань – досада для поэта,
Он жаждал новых встреч, страстей...
И улыбнулся на рассвете,
Увидев, нет его вещей.

Пропал мундир, кинжал, шкатулка,
Но мысли, как туман, легки.
Прощай, Тамань! Скучна разлука,
Но жди гонцов, мои стихи...

Прошли века.
Поэт в Тамани
У кручи той опять стоит.
Он, гость великий и желанный,
Со всеми нынче говорит.

15 августа 2004 года

Крым

*Константину Яковлеву,
Леониду Чеховичу – в честь наших
встреч на Крымской земле*

Косынкой маков алых
Повязаны поля
У Ялты, Балаклавы,
У Симферополя.

Ах, Крым! – мечта поэтов,
Лазурная волна.
Дельфины на рассвете,
Морская книга дна.

А в парке Коктебеля
Из рая соловьи
Мне ночью песни пели
На парусе любви.

Мне нынче уж непросто
Доехать к вам, друзья:
Возле границ погосты,
Угрюмы те края...

У рыжих скал привальных
Я вижу ваш костер.
Вам шлет привет печальный
Мой темнохвойный бор.

Апрель 1993 года

Золотой абрикос

*Однажды в праздник 7 ноября нам,
воспитанникам интерната, дали в обед
стакан сока и консервированные фрукты:
пять диковинных золотистых абрикосин.*

Шла война. Дни летели лихие.
Я в деревне заснеженной рос.
Там и встретились в жизни впервые
Я и ты, золотой абрикос.

Был красив ты и ласков со мною,
Ты о юге мечту подарил.
Облака провожал я весной,
Говоря, что тебя полюбил.

Были фрукты в диковинку всюду
В комарином сосновом краю.
И решили таежные люди,
Что растешь ты в беспечном раю.

И приехал к тебе я однажды –
Море фруктов и соков полно.
Только ты утолишь мою жажду!
Но с улыбкой дают мне вино.

Говорю я: вина мне не надо,
Я мечту издалека привез –
Воскресите же детства отраду! –
Дайте мне золотой абрикос.

18–19 января 2004 года

Чайка в ночную бурю

*Посвящается старинной и благородной
дружбе двух семей: Анисимковой М. К.
и моей, Тарханова А. С.*

В скальной расселине чайка
Теплое место нашла.
Здесь она, видно, бывала,
Больно знакома скала.

Даже – о чудо! – пахнуло
Пухом ее малыша.
Каплю живую от мира
Словно вдохнула душа.

Сразу уютнее стало
Чайке под гребнем скалы.
В небе гремело и выло,
В море рычали валы.

Голову спрятав меж крыльев,
Чайка вдыхала тепло –
Запах пушистого сына...
Встал он давно на крыло.

Запах сквозь поры каменье
В душу струился ее.
Чайке на миг показалось
То родовое жильё.

Чайка проснулась счастливой
И – благодарна скале –
Взглядом ее осенила,
Взмыла навстречу заре.

29 июня – 5 июля 2011 года

Имена

*Герои Гражданской войны священны
для моего поколения. Они подарили
нам свои честные идеалы.*

Их имена как звон клинка –
Миронов, Кочубей.
Они явились от людей
Бесстрашных
на века.

И ради праведной любви
Миронов, Кочубей
Летели на конях в бои
За честь своих идей.

Я с детства их боготворил,
Чапаева любил.
В атаку пацанов водил,
Идеей братства жил...

Сегодня кружится страна
Опять в тенетах лжи.
О, как нужны нам имена
Тех честных
для души!

11–13 февраля 2008 года

Моя деревня

Здесь у кедров голос древний
И душничка на лугу.
Карагаево – деревня
На песчаном берегу.

Голубичный лес за полем,
Справа – озеро Туман.
В сердце воля,
 в далях воля,
Как же здесь не быть стихам!

Потому народ певучий,
Сказочник и ворожей.
– От частушки тает туча, –
Шутит дедушка Тимпей.

Ты у солнышка узнай-ка,
В день какой придет весна?
Балалайка, балалайка –
Пети Шилова струна.

Настежь звонкое окошко.
Эй, вали сюда, народ!
Никанор берет гармошку,
Устя пляшет и поет.

Что ни дом – одни таланты,
Что ни бор, то благодать.
Земляки – мои атланты,
Вам бы жить да поживать.

Но в период укрупнений
Неразумнейшим пером
Тысячи таких селений
Были списаны на слом.

Слезы, слезы –
 гнев наш чистый,
Слезы вылились до дна.
А ханжи и карьеристы
Получали ордена.

Нет тебя, моя деревня,
Нет боров, река тиха.
Голос кедров мудрых, древних
Стал тревогою стиха.

Мы – вместе

*Памяти друга – эвенкийского поэта
Алитета Немтушкина*

Ты в горнем небесном краю,
Я здесь, возле Мойки, на Невском.
И кажется –

 снова мы вместе,
И песню поешь ты свою.

Поешь ты о детстве своем.
Вы с бабушкой в чуме вдвоем:
Ни папы, ни мамы, о боже!
И бабушка солнца дороже.

Где ягоды зреют твои –
Лес бабушке стелет дорожки
К рубиново-сочной морошке,
Мол, внуку неси от любви.

Сезонно менялась тайга:
Стояла то рыжей, то белой,
Дарила таежникам белок,
Дарила судьбу на века.
Ты верен был зову души –
Нас звал Ленинград – как поэтов.
Учился.

 Но каждое лето
Ты к бабушке Огдо спешил.

Тебя уже ждал туюсок,
Он полон морошки вкуснейшей,
И бабушки милой восторг,
И облик ее постаревший.

Ты шаль в этот раз подарил,
Накинул на хрупкие плечи...
Последней была ваша встреча,
Ты сам ее похоронил...
Мы чтим, друг мой, Ленинград.
Мы жили у Мойки,
 где Невский.

Стихи здесь,
 как прежде, звучат.
И, значит, друг,
 снова мы вместе.

2–29 сентября 2013 года

Снова про Чапая

Курсантов ночью сняли с караула¹.
Да кто же дал предательский приказ?
Наверно, эта тайна не для нас...

Огнем плюются карабинов дула,
Лютуют шашки конников косматых,
И пулемет дрожит...

Чапая нет.
Но ярко жив его душевный свет,
Жив образ полководца и солдата,
Любимого народного героя.

¹ В ночь гибели Чапаева и его штаба по чьему-то приказу была снята с караула дивизионная школа – рота курсантов. (Из воспоминаний Д. Фурманова)

От этой славы нет врагам покоя,
Она клеймит врагов и подлецов,
В отместку – новый анекдот готов.

Мусолят эти анекдоты в барах
И в ресторанах все, кому не лень.
Под хохот пьяных вижу горький день –
Спускается Чапай к Уралу с яра.

И снова вижу карабинов дула,
И снова вспоминаю про беду,
Я вспоминаю про измену ту –
Курсантов ночью сняли с караула.

Маршал Жуков

Приснилась Божья Мать на амвоне
Ему в тот страшный сорок первый год.
И диво – чудотворная икона
Вокруг Москвы свершила свой полет.

Жила страна в немыслимой тревоге
От поля, от штыка и до пера.
И маршал молвил на рассвете:
«С Богом!»

В победную атаку нам пора.

С парада – в бой.
Шли в белых маскхалатах.
Как ангелы, в одеждах белых шли
Российские бесстрашные солдаты
В морозной и сияющей пыли.

Москва за ними – в озаренье алом,
Святой Георгий – в небе на коне.
И думал о войне товарищ Сталин,
А маршал Жуков думал обо мне.

Чтоб мой отец живым в леса вернулся,
Чтоб миллионов не было сирот,
Чтоб враг металлом нашим захлебнулся,
И танки открывали наш поход.

А впереди – руины Сталинграда,
Орел и Минск, Варшава и Берлин...
И в роли величайшего Солдата
Он, Жуков, был воистину один.

* * *

Поэту Евгению Вдовенко

Базар всегда его смущает,
Он волноваться заставляет.
Возле цветов он ходит, ходит,
И на торговок гнев наводит.

– Ну, что ты мельтешишь, мужчина?!
Не видел, что ли, георгина?
– Есть в белом георгине вьюга.
Я георгин люблю как друга, –
Так Человек им отвечает.

Но кто его здесь понимает?
Наверно, гордый гладиолус,
Далекий от хлопот, как Полюс?
А может, тихая ромашка,
Глядит она как Чебурашка?

Идет.
От суеты страдает.
Букет огромный покупает.
И, к удивлению базара,
Цветы свои
проходим дарит.

Каравелла в пути

Композитору Юрию Клепалову

Паруса каравеллы де Фриза¹
Из тумана выходят белые.
От лучей серебрятся, как ризы,
От соленых ветров тяжелы.

Позади ураганы и грозы.
Перед ними – глухой Сахалин.
Обнимаются дружно матросы:
«Вот он – кладов земных исполин!»

И де Фриз, загорелый от милей,
На клинок опираясь, глядит.
Для мечтателей всходит светило,
Для отважных на небе парит.

Долго ждал их залив приключений,
Долго жил он в уладе своей.
Дал де Фриз ему имя Терпения,
В честь своих терпеливых людей.

Удивлялись пришельцам медведи,
Как они возле сумрачных гор
Целовали камень, как дети,
Распаляя громадный костер...

Повинуясь мелодии бриза,
Доверяясь попутным волнам,
Каравелла лихого де Фриза
Вновь ушла в грозовой океан.

3–5 февраля 2003 года

¹ Де Фриз – голландский мореплаватель.

* * *

Нет страшней измены боле,
Чем измена Красоты...
Что ищу я в этом поле?
Я ищу твои следы.

И блаженно, и лениво
На меже лежала ты.
Как мучительно красивы
Тела женского цветы!
Улыбался мир огромный
На признания в любви.
Верю – даже клевер скромный
Повторял слова твои...

Вспомни, как ты уходила.
Благодарный вижу лик...
Предала ты, позабыла
Этот праздник, этот миг.

Нет страшней измены боле,
Чем измена Красоты.
Каждый раз я вижу в поле,
Как цветут твои цветы.

28 декабря 2008 года

В Ачимово

Памяти Валерия Клиндухова

В Ачимово цветет пастушья сумка,
В Ачимово озера – в лебедях.
Как молния рождается задумка,
Об этом надо рассказать в стихах.

Мне по душе и клевер косогоров,
И новые скворешни на дворе,
И ласточек небесные узоры,
Покоя не дающих мошкаре.

Здесь вы росли: Валера, Витя, Ваня –
Сыны своей березовой страны.
И вскоре одного из вас не станет,
И вспыхнет боль родимой стороны.

Вас привечало озеро деревни
И речка по названию Барсук.
Вас обнимал по-летнему напевный,
В медовых росах ароматный луг.

Ах, просыпайтесь, мои люди, рано!
Спешите восхищаться на веку!
Пастушья сумка золотит поляны,
От лебедей озера, как в снегу.

Ночной сторож

Лазареву Георгию Ивановичу

Бутылка сухого вина на окошке
И черного хлеба
душистый такой четвертак.
Он выпьет чуток
и подремлет немножко.

Волшебный декабрь

У декабря есть тройки вороны,
По духу им порывы снежных бурь,
У декабря есть грады золотые:
Москва, Ханты-Мансийск и Петербург.

Летят лесами тройки удалые.
Кругом, как в сказке,
храмы, терема.

Деревья кружевные, расписные,
Горит оранжевая бахрама.

И говорю я: краше нет России!
И нету троек – кроме нас – нигде!
Морозный воздух,
он хрустально-синий,
Он слаще меда в милом декабре!

2007 год

Слово о друге

*Константину Яковлеву, литературному
критику Божьей милостью*

Ты потерялся, друг мой Костя,
На чужедальнем берегу.
Твой лик – как имя на погосте –
На фото нежно берегу.
Сидишь печально близ пустыни,
И море Красное вдали.
Но видишь край сибирский синий,
Где песней плачут снегири.

Был с кедром схож,
Ты возвышался
Над нами статью и душой.
Ах, как ты словом восторгался!
Жил найденной в стихе строкой.
Ты раны чувствовал поэтов,
Нас от клевет оберегал.
Любили все тебя за это,
Я в беды лишь тебя искал...
В дни лихолетья для державы
Покинул ты с женою Крым.
Стал для нее Израиль раем.
Ты тосковал и стал угрюм.
Ты звал меня, дружище, в гости.
Хотел вернуться в отчий край.
Но... потерялся. Где ты, Костя?!
Не говорю тебе – прощай.

28 июля – 3 августа 2009 года

В Загорье

С небес сиянье голубое льется,
На родину Твардовского дивлюсь.
Он воду пил из древнего колодца,
Я от души святой воды напьюсь.

Вокруг березы водят хороводы,
И дом поэта Теркин бережет.
Сюда идут невидимые роты,
И каждый честь поэту отдает

За то, что он воспел солдат советских,
Собой Отчизну заслонивших здесь, –
Они стояли насмерть у Смоленска,
И красными слезами плакал лес...

О нем уж знали жители округи
И помогали бережно ему.
И было небо животворным другом –
Дарило Бога лик лишь одному.

И день настал...
Живи, победа духа!
Церквушки звон возликовал окрест,
Коснулся каждого живого слуха,
И отозвался песней гулкой лес.

Он опустил, плача, на колени
И руки к небу трепетно простер.
Седой отшельник, он с горы Моленной
Увидел в небе благодарный взор.

4–8 апреля 2003 года

Осеннее прощанье

Я прощаюсь с тобой, желтый месяц,
На крутом берегу Иртыша.
И молитвы поющего леса
Принимает для жизни душа.

Отпускает лес алые стаи,
Отпускает любимой слова.
Тридцать дней от меня улетают –
И седеет моя голова.

Интересно, в каких это далях
Дни мои обретают покой?
Улететь бы туда от печали
И сказать: возвратился домой.

Бродят рядом усталые люди.
Вечный поиск – найти благодать.
Но все дальше уходят от Сути –
Улыбаться, любить и прощать.

Месяц мой улетел беспокойно.
Даль от всполохов ярких свежа.
И гляжу я вокруг просветленно:
С небесами общалась душа.

12 октября 2002 года

Они – в пути

*Памяти рано ушедшего от нас
талантливого поэта Анатолия
Кукарского*

Горний край за этой тучей грозной,
Там сиянье, дальний гул громов.
Без веленья Бога невозможно
Быть в краю исповедальных слов.

Этот край особых откровений,
Праздник одухотворенных лиц:
Пушкин, Гете, Лермонтов, Есенин,
Байрон –
здесь не ведают границ.

Открывает туча облак горы,
Тихий дол лазоревых цветов.
Продолжает путь свой трудный Горький,
Тужит Шолохов за казаков.

У Твардовского шинель внакидку,
Зябко от вестей с родных полей.
Больно сознавать свою ошибку,
Горько понимать вину властей.

Все в пути: Толстой, Андрей Платонов...
Друг ушедший, ты их повстречай...
Если слышу за собой погоню,
Я ищу глазами горний край.

24 апреля 2012 года

Мольба к Богу

К истине шел терпеливо,
Мук моих не передать.
Господи, несправедливо
Жизни поэта лишать.
Пусть он живет сколько хочет –
Этот чужак на миру,
К небу взывающий ночью –
Дать озарение злу.
И не свое ли горенье
Ты ему, Господи, дал?
В искрах его вдохновенья
Ты свою волю узнал.
Так отпусти же, Всевышний,
Вечность ему от Весны.
Верой одарит он ближних
В эти и дальние дни.
Благ он себе не попросит,
Золота он не возьмет,
Лишь благодарные слезы
Тихо в ладони прольет.

Все в этой казни – против неба.
И мой вопрос – велит душа:
Неужто для потехи, слепо
Толпа сейчас
на казнь пришла?

Но... кто-то плачет,
кто-то ищет

Опоры, на плечо склоняясь.
Плечистый дядя, явно нищий,
Кулак вздымает, не боясь.

Шепчу: «Простите, христиане,
За крик сомнения в груди.
Теперь,
коль казни час настанет,
Мне легче на помост взойти».

13 марта 2005 года

Утро вознесения (поэма)

*Посвящается 200-летию со дня рождения
гениального поэта М. Ю. Лермонтова*

От автора

Роль поэта, художника в жизни современного общества – как принципиальный вопрос, как проблема сегодняшнего дня – волнует меня постоянно. Вспомним немеркнувший голос глобального звучания М. Горького: «С кем вы, мастера культуры?» Эта тревога злободневна всегда. Именно это обстоятельство послужило духовным импульсом к рождению моей новой поэмы, «Утро вознесения».

Чаша моих чувств, образно говоря, переполнилась после поездки в Тамань, в музей Лермонтова, и после ужасного ночного шторма в Анапе, который мне пришлось испытать по воле рока.

Мое обращение к Лермонтову – как к великому поэту и патриоту России – закономерно во всех отношениях. Дело в том, что правители нынешней «демократической системы» всячески принижают общественную роль поэта, художника, выдвигая на первый план двигателем искусств эстрадных шоу-артистов, мол, пляшите и смейтесь всюду и всегда – и все наши духовные проблемы решатся сами собой. Роковая ошибка!

Только классические и современные талантливые произведения литературы, искусства и культуры подарят, привнесут в души людей вдохновение к жизни, веру в справедливость и торжество светлого разума. Иного пути нет!

*Заглушить рокотание моря
Соловьиная песнь не вольна!*

А. Блок

Пролог

Голос Космоса

Несчастный! Ты бухту затишья искал
От горя, страданий и слез?
Среди голубых и оранжевых скал
Ты Храм удовольствий вознес.

В разгуле бездумном проходят часы.
И что тебе горе людей!
Не чуешь, не видишь движенье грозы
По воле бессмертной моей.

И снова бокал наполняют тебе.
И я говорю как судья:
Поэтом назвал я тебя по Судьбе,
Но вижу – ты предал меня.

Позор свой погасишь душевным огнем –
Прозренье, заблудший, познай.
Застольные звоны заглушит мой гром,
Ты бурю под утро встречай.

Первая глава

Шторм

Я ночью проснулся от рева валов,
Стучал в мое сердце неистовый зов.

«Ты к морю иди!» – грохотало кругом.
Громадные камни разбрасывал гром.

Рыдали деревья и, падая ниц,
Кричали: «Преступник!» – при свете зарниц.

Мой Храм содрогался. Стенали вокруг
Ужасные маски вчерашних подруг.

Мой радужный кубок взлетел к потолку
И... бликами света истек по стеклу.

Не помня себя – только знала душа, –
Я выбежал в ночь, потрясенно дрожа.

Ударили молнии, белым слепя.
«О Господи!» – крик проглотил я в себя.

Разумная сила меня подняла
И бросила к дубу, нарочно спасла.

Качалась у кручи земля подо мной.
Я к дубу прижался прощально душой.

Ревела, рычала стихия воды.
Знобило от страшной ее красоты.

От молний пожар во Вселенной пылал,
И, к тучам вздымаясь, накатывал вал.

Шли белые горы, крича на меня,
Малюсенькой пташкой казался им я.

Но, видимо, что-то я значил для них,
Коль нужен был им мой задумчивый стих.

И снова я голос услышал небес:
«Тебе неудобно, наверное, здесь?»

Ты хочешь, конечно, в свой розовый Храм,
К вину и бесстыдным холеным телам?

Но я тебе дам только соли глоток,
На пользу пойдет тебе этот урок.

Я волю даю справедливым громам».
И с грохотом рухнул мой розовый Храм.

Почудилось –
падаю я между скал...
Вселенский орган рокотал, грохотал...
Очнулся я, видимо, от тишины,
От ласковых звуков прибрежной волны.
И дуб – мой спаситель –
стоит чуть живой.
Лежу я как прежде, прижавшись душой
К прохладной и пряной от ливней коре.
Явился я заново в мир на заре.
Повсюду обломки деревьев, колонн,
Сквозь трещину в тверди послышался стон.
О боги! Мой Храм проглотила земля.
А камни – насмешка того бытия.
Но что это? Посох и рядом сума.
Я понял – она мне с намеком дана.
На посохе надпись: «Всевышнего труд,
Нас тени великих на встречу зовут».
Взяв посох, суму, я спустился к волне,
Я верил, что тайна откроется мне.
И вот он, баркас –
как истории дань, –
На парусе буквы сияют: «Тамань».
Я замер. Я верю давно в чудеса,
Вы парус прислали за мной, небеса.
В Тамани мятежный поэт меня ждет.
Скорее, скорее в желанный поход.

И облака песню слышать.
Он встал далеко до рассвета,
Спешит по откосу тропы.
К лачуге бессмертной поэта
Я прибыл по воле Судьбы.

Мой парусник встал у баркаса.
Поэт, словно Бог, подходил.
Такого мгновенья и часа
Давно я у жизни просил.

Он, Лермонтов, –
 будто из света, –
В полнеба восход вспылал.
В пронзительном взгляде поэта
Я гения мира признал.

Диалог

Странник:

«Михаил Юрьевич,
Как небо велело – я странник,
По воле души я – поэт.
И встретил я вас не случайно,
Я шел к вам с младенческих лет».

Лермонтов:

«Я волю небес уважаю,
Я с волею этой дружил.
Мятежной душою страдаю:
Я мало и жил, и любил.
Но дело не в личной печали,
Веду не о том свою речь.
В одном мы покоя не знали –
Отчизну от бед уберечь.
Я вижу – вы ждете совета?
Даю вам: себя не предай,
И страсть к совершенству поэта
От недругов оберегай.
И лжи, и распутства, и лести –
Повсюду расставлена сеть.

Нет выше и долга, и чести
В атаке за Русь умереть.
Ах, память! К минувшему – верность,
Под музыку движется рать...
Фанагорийскую крепость
Хотелось бы мне повидать...»

Пожар разгорался рассвета,
Сияли огнем небеса.
И поднял я вновь на поэта
Печальные в думе глаза.

Но вижу я рыжую кручу,
И краба смешного в воде.
Куда подевался поручик?
Баркас его парусный где?

Какая-то лодка мелькнула
И в розовом скрылась дыму.
И вспыхнуло тотчас светило,
И горько стоять одному.

По-прежнему празднично небо,
В нем голосу вечно звучать:
«Фанагорийскую крепость
Хотелось бы мне повидать...»

Третья глава

Явление Фанагории

О, пыль веков! По ней сейчас хожу.
Наверно, тень минувших дней ищу.
Со мною рядом бродит русский грек.
Он, Сердериди, мудрый человек.
Он любит слушать камни и цветы,
Познал у жизни тайны красоты.
Взяв амфоры округлый черепок,
Сказал: «На дне усох вина глоток.
Кого питал сосуд сей огневой?
Кого он вдохновлял в час роковой?»

Оратора? Философа? Жреца,
Имеющего славу мудреца?»
Причудливая вязь ему видна.
Всмотрелся грек и прошептал: «Фа-на...»
Задумался, догадкой осиян:
«От запаха веков я нынче пьян...
Фанагория! – дивная страна...
Нам подарила амфору она!»...
Провидцем стал сегодня русский грек:
Сквозь облака узрел желанный век.

Фанагория

Живет разумно на Земле
Страна Фанагория.
Не золото ценится в жилье,
А мудрых книг стихия.

У власти здесь триумвират –
Поэт, ученый, зодчий.
В делах ответственность и лад,
Бывают споры, впрочем.

Совет ученых по делам
Взволнованной Природы
Имеет свой рабочий Храм.
Для связей с небом коды
Хранят, взгляните, своды.

Идут сигналы кода «Марс» –
Грядет землетрясение.
Мигает «Веги» синий глаз –
Не будет наводнения.

Здесь изучают судьбы рек,
Озер, лесов дремучих.
Твое призванье, человек, –
Дружить с землей и тучей.

Целебных кедров, трав, цветов
Страна имеет парки.
Храм земледелия готов
Всем показать поля хлебов –
Труда подарок яркий.

И в Храм искусств людей зовет,
Наверно, сам Всевышний.
Орган торжественно поет –
Он друг небес давнишний.

Ответно льется горний свет –
Храм полнится стихами.
И говорит седой поэт
С народом и богами.

Каменотес, кузнец, поэт
Равны по вдохновенью
В труде,
 приняв небесный свет
В сердца свои с рожденья.

И потому растут дворцы,
Один другого краше.
Сравнимы в мастерстве творцы
С Природой дивной даже...

Ты для кого цветешь, страна
Любви Фанагория?
В соседних странах дикость, тьма –
Враждебная стихия.

Они завидуют тебе,
Терзает зависть злая.
Тебя ждет гибель по Судьбе,
Страна моя святая.

Содержание

<i>Поэт верен своей традиции</i>	5	Мартовский рассказ следопыта	43
БУРАННАЯ РОССИЯ		Затворница	44
Изначалие	7	Герои России	45
Сказанье о Невском проспекте	8	«Осколок солнца в сердце у меня...»	46
«Я вижу сосновое прясло...»	10	«Бездна жизненности во мне...»	47
Позднее прозрение	11	После бури	48
«Твой лик, Природа, сердцу ясен...»	12	Девятый вал	49
Зов неба	13	Если подумать...	50
Сталин	14	Мы	50
На троне	15	Пророк	52
В одном порыве	16	Эльбрус	53
Казанский вокзал	17	Гармония залива	54
«Я – радостный мученик Бога...»	18	Рерих	55
Посланники Христа	18	У Балатона	56
«Близ Ванской дороги стоит Баязет...»	20	Гонец Востока	57
«Молчит седых небес орган...»	20	Певец Хворостовский	58
«Сережу ребята нашли в конуре...»	21	Прозревший сторож	59
Человек и Волк	22	Чудотворные дали	60
Гуляет Азовское море	26	Последний солдат империи	61
Морок	27	Кровинушка России	62
В Литинституте	28	Эх, новый купец!	63
Сургутский парк	28	Апрельские боренья	64
Дума о дальнем	29	«Над рекою струится дымок...»	65
«К нам из Америки летел торнадо...»	30	Слезы детей	66
«Идут по дороге обозы...»	31	Сын природы	67
К переселенцам	32	Пещерный житель	68
Буранная Россия	33	Плач души	69
И родилась надежда	34	Позиция	69
Монолог к собаке	34	Через тучу – тученьку	70
Божий посланник	36	На пляже	71
«Грохочет колесница небесного Ильи...»	37	Корешок России	72
Сестры милосердия	38	Могилы Толстого	73
Врач	39	Исповедь ветерана чеченской войны	74
Одинокий поручик	40	Несправедливость	75
Вечный бой	41	Осенний человек	76
«Чашобный запах кружит подо мною...»	42	Признание россиянина	77
		Три залпа	78

«В том порту вечереет...»	80	Березовая роща	119
Один	80	Ночи стихов.	119
«Притворство женщин не от страха...»	82	И лес понимает меня	120
Дума у спиленного дерева	83	Озаренье	121
Утро Достоевского	84	Зов Аэлиты	121
Если будет Россия...	85	«Ради новых сомнений живу...»	122
Дары заката	86	«И долго буду я не спать...»	123
Сумерки марта	86	«К звезде одинокой смятенно...». . . .	124
Следопыт пришел	87	Предчувствие	124
Ради спасенья	88	«Три заснеженные ели...»	125
«Прохлада цветущего лога...»	89	Небесная связь	126
Этот месяц любви	90	Прощение	127
«Когда метель в вечерних сумерках...»	91	Звуки неба	128
«Уходит в ночь вечерняя заря...». . . .	92	«Сосны расцвечены бликами...»	129
		«Я жил тобой, звезда востока...»	129

ПРИТЯЖЕНИЕ НЕБЕС

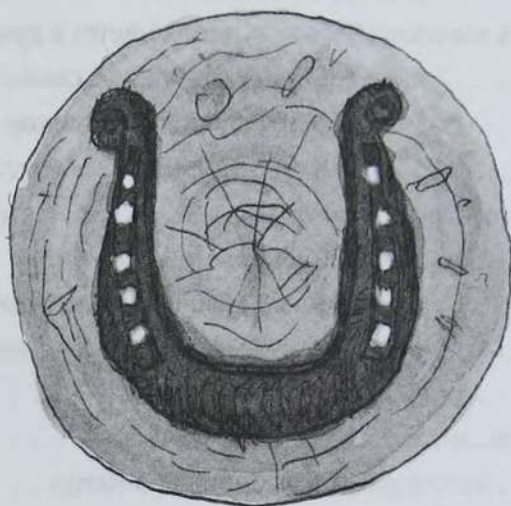
«Ты снова далеко, звезда моя...»	94	Полнолуние	130
Апрельский буран	95	В желтые ночи	131
Черный ворон	96	Я чувствую небо	132
И верится мне	97	Встречай дожди...	133
В Гималаях	97	Ночной кедровник	134
Полночное цветенье	98	Осенняя элегия	135
К поэту Дмитрию Мизгулину	99	«Ночами трепетны леса...»	136
Небесная встреча	100	Красные камни	137
Сентябрь.	101	Веселый дождь	138
Час Быка.	102	Однажды это случится	138
«Ночь говорила голосом ручья...»	103	В грозу.	139
Вечный голос	103	Явление дамы	140
Лось и подснежник.	104	Взаимосвязь	141
«Не дал мне Бог дурной замашки...»	106	И появляется чудо	142
«На небе Сириус лучится...».	106	Мелодия августа	143
«От медной тучи...».	107	Гармония утра	144
Разговор наедине	108	«Как зелена сегодня луговина!..». . . .	145
Увертюра ночи	109	Мечтатель	145
«Голубеют кедровые шишки...»	110	К озеру	146
«Слушай утром, человек...»	110	«Прохлада дороги ночной...»	147
Ночлег	111	«Когда позыв звезды небесной...» . . .	148
Полночная вьюга	112	Ночь ущелья	149
Детства милые мгновенья.	113	Стою один я у окна.	150
Утренний полет.	114		
«О, сколько выстраданных слов...». . . .	115	ВОЗВРАЩЕНИЕ ВЕЛИКОЕ ЕСТЬ	
Вещий ворон	116	В сиреневых ночах.	152
«А при луне – как при свече...».	118	Ода цветущим яблоням	153
		Возвращенье	154

Вершины кедров	155	Тютчев	192
Ода походному пиджаку	156	«Он горит от ее поцелуев...»	193
Утренний парус	157	Погоня	194
Письмо в Сибирь	158	«Лиловы лики скифов грозных...»	195
Письмо в Венгрию	159	«Сквозь дождь пламенеют рябины...»	196
Слово о Наполеоне	160	Исповедь человека, лишённого детства	197
Лиственница Меншикова	161	Воспоминанье в Пасхальную ночь	198
Общежитие	162	Признание поэта	199
Песня и парус	164	Орда	200
Батька Махно	165	«Цветок цветет в руках у Коли...»	201
В священном кедровнике	166	«Утро бойкое, словно отвага...»	202
Прощанье февраля	167	Ради песен и стихов	203
Праведный	168	В Тамани	204
Гуманоид дед Егор	169	Крым	205
Задумчивая река	170	Золотой абрикос	206
Впервые	171	Чайка в ночную бурю	207
Ночь моря	171	Имена	208
Январская рапсодия	172	Моя деревня	208
«Снова музыка вызвала поле...»	173	Мы – вместе	210
О доброте	174	Снова про Чапая	211
Бабушка	175	Маршал Жуков	212
Ай да ночка!	176	«Базар всегда его смущает...»	213
Утреннее чувство	177	Каравелла в пути	214
«Стоял у страшной бездны я...»	178	«Нет страшной измены боле...»	216
«Да здравствует юродивый!..»	179	В Ачимово	217
Прости меня, мама	180	Ночной сторож	217
На яру	181	Волшебный декабрь	219
У развалин крепости	182	Слово о друге	219
«Снимая казенную маску...»	183	В Загорье	220
Старинный тракт	184	Отшельник	221
Предсказанье	185	Осеннее прощанье	222
Залетный ветер	186	Они – в пути	223
Материнские сосны	187	Мольба к Богу	224
Взаимопонимание	188	«Родился я...»	225
Дорога в поля	190	Явление Нерона	225
Пожар	191	Казнь	226
Игреновые кони	192	Утро вознесения (поэма)	228

АНДРЕЙ ТАРХАНОВ

новые стихи, избранные стихи

Редактор **Тарханова Антонина Федоровна**

Художник **А. А. Морозов**

Верстка **А. А. Морозов, И. М. Амромин**

Подписано в печать 05.08.2015. Формат 84*108¹/₃₂.

Бумага офсетная. Гарнитура РТ Serif.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,5.

Тираж 2000 экз. Зак. 38985.

ООО «ИПЦ «Экспресс»,
г. Тюмень, Минская 3г. стр. 3

135,00

108022016

РОССИЯ

КАЗАНСКИЙ ВОКЗАЛ

А.М.